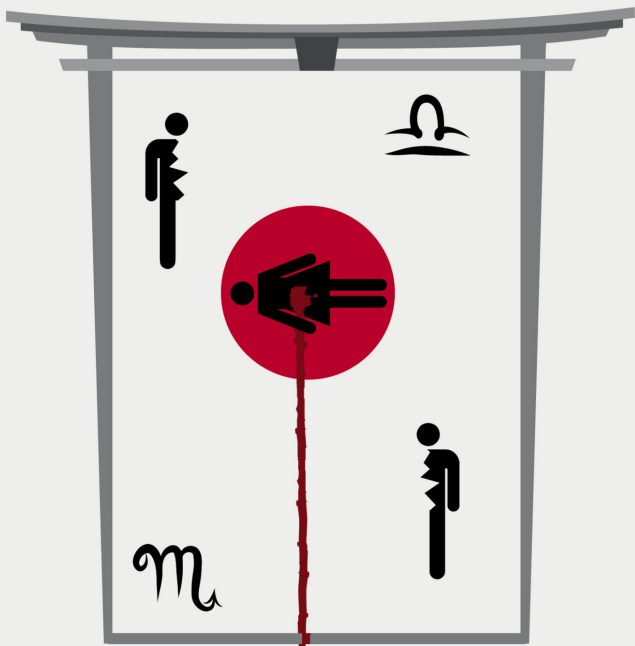

本
格

СОДЗИ
СИМАДА

ДВОЙНИК
С ЛУННОЙ ДАМБЫ

Содзи Симада
Двойник с лунной дамбы
Серия «Киёси Митарай», книга 3
Серия «Хонкаку-детектив»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63636746
Двойник с лунной дамбы: Эксмо; Москва; 2021
ISBN 978-5-04-116311-2

Аннотация

Предыстория сыщика-астролога Киёси Митарай, главного героя романов-головоломок «Токийский Зодиак» и «Дом кривых стен».

Токио, 1978 год. Некий человек пришел в себя на скамейке в совершенно незнакомом месте и постепенно понял, что ничего не помнит о прошлой жизни и вообще не знает, кто он такой. Кроме того, обнаружил, что вместо своего лица видит в зеркалах нечто вроде пунцовой дыни. В безнадежной ситуации ему на помощь пришла девушка Рёко, они полюбили друг друга и поселились вместе. Незнакомый принял имя Кэйсукэ Исикава. Не видя иной попытки выяснить хоть что-то о себе, он обратился к чудаковатому астрологу Киёси Митарай, заведя с ним приятельские отношения. Однако помогли вовсе не звезды, а случай: Кэйсукэ нашел первый ключ к разгадке. В вещах Рёко.

Воспользовавшись этим ключом, он обрушил на себя целый водопад шокирующих открытий. И разобраться в них сможет только Митараи, имеющий способности, о которых Кэйсукэ и не догадывался...

Больше интересных фактов об этой книге читайте в [ЛитРес: Журнале](#)

Содержание

1	5
2	20
3	27
4	33
5	40
6	46
7	53
8	64
9	69
10	81
11	92
12	105
13	114
Конец ознакомительного фрагмента.	116

Содзи Симада

Двойник с лунной дамбы

1

С трудом разлепив глаза, я сообразил, что сижу на скамейке.

Страшно болела спина, голова раскалывалась. Похоже, я проспал очень долго. Усевшись на скамейке поудобнее, огляделся вокруг. Оказалось, что я на заброшенном пустыре, со всех сторон окруженном повернутыми ко мне задом малосимпатичными строениями; судя по наличию жавшихся друг к другу качелей и детской горки, пустырь, видимо, считался здесь сквером. Во всяком случае, люди, поставившие на этом месте горку и качели, наверное, так считали.

Со стороны, где проходила главная улица, доносился слабый шум проезжающих автомобилей и звуки людской толчеи. Но в парке стояла тишина. Я снова прилег на скамейку – передохнуть – и заснул. Расслабился.

Было холодно. Отбрасываемые домами тени вытянулись и поглотили «насест», на котором я устроился. Уже вечер?

Неужели? Сморило на солнышке? Что ж, надо топать к машине. Сколько же я проспал? Угораздило же так разоспаться!

«О! А как там моя машина?» – встрепенулся я, поднимаясь со скамейки. Ноги слушались плохо – видно, я и вправду залежался. Может статься, пока я тут сплю, машину увозят на штрафстоянку... Лучше эвакуаторам на месте десятку¹ выложить. Надо прибавить шагу.

Я быстро зашагал в направлении главной улицы. Шум усилился, в проулки между домами можно было видеть спешивших по делам пешеходов и проезжавшие автомобили. На улице сгущался сумрак, и я шел, испытывая ощущение человека, выбирающегося из темного подвала. В то же время по какой-то причине во мне загоралось чувство чего-то такого, что мне дорого, чего мне давно не хватало.

Разволновавшись, я повернул направо и ускорил шаг. «Должна быть здесь». Правая рука непроизвольно нашарила в кармане ключ, чтобы прыгнуть в машину и сразу дать по газам.

Но машины на месте не оказалось.

«Ого! – непроизвольно вырвалось у меня. – Куда же она делась?! Ведь здесь же стояла! Похоже, я еще не проснулся до конца. Вроде я улицу-то переходил... Или надо в другую сторону? Налево надо было».

Я развернулся и почти бегом двинулся обратно. Тревога все сильнее охватывала меня. Неужели все-таки эвакуаторщики утащили?! Вот ведь черти! Значит, надо найти место, где стояла машина, – там должна быть метка мелом. Досад-

---

¹ Десять тысяч иен.

но, конечно, но ничего не поделаешь.

В другом месте машины тоже не оказалось. Ни машины, ни пресловутой метки.

Что за дела? Я недоуменно застыл на месте. Моя машина исчезла. словно сквозь землю провалилась. Но я же точно оставил ее на этой улице.

Точно? Так ли было на самом деле?

У меня вдруг голова пошла кругом. Да что со мной такое! Я стукнул себя по лбу. С чего это я засомневался? Я припарковался на этой улице. Ошибки быть не может.

Что со мной, в самом деле? С чего это я разоспался на скамейке? Идиотизм! Как такое могло случиться?

Я еще раз быстро обошел окрестности. Машины нигде не было. Может, я оставил ее где-то там, в другой стороне? Я занервничал. Что происходит, в конце концов? Что за дурацкая ситуация!

Ладно. Абсурд, конечно, но прежде всего надо вспомнить, где я поставил машину. Так, откуда я приехал?..

Но вспомнить это почему-то тоже не получалось. Поразительно! У меня что-то с головой. С самого начала я где-то допустил ошибку, отсюда полная неразбериха. Главное – не психовать, внушал я себе. Просто в голове какой-то непонятный туман.

Так... Надо вспоминать, как я парковался. Я всегда паркуюсь задом. Нахожу свободное место, чуть проезжаю вперед и сдаю назад. Какая машина стояла рядом, когда я парковался?

Или позади... ведь я смотрел в зеркало заднего вида? Тьфу ты, черт! Не может такого быть! Не могу вспомнить! А мостовая? Я же на мостовой парковался. Должна быть прерывистая желтая линия – габарит дороги... Странно, но я совсем ничего не помнил ни о мостовой, ни о разметке на ней.

Ага! Вот оно в чем дело. Я оставил машину не на широкой улице, поэтому в памяти и нет никаких ассоциативных связей с мостовой. Правильно! Бросил машину где-то в переулке и решил поспать маленько? Ну да, как же! Надо было еще эвакуаторщиков попросить: «Забирайте тачку»...

Значит, переулок. Точно! Я рванул на шум дороги, хотя, как пить дать, машину поставил где-то возле сквера. В переулке. Наверняка. Я всегда так делаю. Припарковался в пределах видимости и присел отдохнуть. Так что машина должна быть где-то рядом. Просто я торопился, прошел мимо и не обратил внимания.

Бегом я пустился обратно. Вот он, переулок. Вдоль домов ровно, как послушные дети, выстроились в цепочку малолитражки. Моей машины среди них не было.

Где? Почему? Где моя машина? Личная машина... О чем я! Это моя личная машина. Моя! Не корпоративная, а личная.

Ключ! Я должен был вынуть ключ из зажигания. Заглушил двигатель и вынул ключ... Ключ-юч! Я лихорадочно стал шарить по карманам. Где он? Нет ключа?! Не может быть! Но даже если я найду машину, что с ней делать без ключа?

Найду? А вообще, что я ищу? Марка какая?

Да что ж такое! Марку тоже не могу вспомнить!

А цвет? О черт!.. Белая? Я никогда не любил этот казенный цвет. Черная? Не такая уж у меня шикарная машина. Красная? Синяя? Не помню. Да что ж такое?! Что за дурацкие шутки...

Надо успокоиться. Спокойно! Хватит! По какой-то невероятной причине у меня что-то случилось с головой. Сдвинулось в одно мгновение. И спокойствие тут не поможет. Если так дело пойдет, глядишь, вообще все забуду... Имени своего не вспомню!

В этот миг меня будто окатили ледяной водой, с макушки до самых пят. Такое было ощущение. Ноги сделались ватными; я и охнуть не успел, как упал на четвереньки словно подкошенный. Какие уж тут шутки! Я ничего не могу вспомнить!

Меня охватил дикий страх!

Кто я?! Что это за место?!

Я еще раз огляделся: вокруг стояли дома, которые я прежде не видел, совершенно незнакомые люди пересмеивались, обмениваясь только им понятными шутками; я метался по не моим, неизвестным улицам.

Не зная, кто я есть на самом деле, я стоял на карачках на мостовой словно маленький ребенок, которого бросили одного на чужой планете.

Я оказался в воронке, выкопанной личинкой муравьиного льва. Со мной такое случалось и прежде. Достаточно оступиться на какой-нибудь мелочи, споткнуться на ерунде, как в голову начинает лезть черт знает что, под тобой будто бы осыпается песок и разверзается яма. Начинаешь биться, метаться – и проваливаешься в нее.

Еще раз представим ситуацию. Тесный переулок. Останавливаю машину... Нет, не может быть. Я обегал весь переулок и не могу вспомнить, чтобы я здесь останавливался.

Нельзя все время об одном и том же. Надо, наверное, как-то отвлечься. Подумать о чем-то другом. Вдруг все возьмет и уладится? А то можно зайти слишком далеко, откуда уже нет возврата.

Скамейка, сквер... Нет, стоп! Кто я?

Нет, нет. Не так. Надо начинать с того, что мне известно.

Мужчина? Женщина? Мужчина. Ведь юбки на мне нет.

Но это все, что я о себе знаю.

Хе-хе-хе. Меня против воли стал разбирать смех. Он накатывал волнами, хотя спина похолодела от страха. Плечи сотрясались от смеха, из глаз текли слезы.

Наверное, так и сходят с ума. Все представляется глупой комедией.

Если подумать, что такое память? Нечто неопределенное,

размытое. Можно ли на нее полагаться? Это не бутылка с колой, которую если схватил, уже не выпустишь. Только надо держать крепче – и порядок. Но с памятью не так. Тебе хочется, чтобы что-то прошло, осталось в прошлом? Не получится при всем желании. Единственное, что возможно, – убедить себя, что это тебе не интересно, после чего всегда наступает успокоение.

Что такое повседневность? Пассивная форма бытия, в которой нет ничего определенного. Она не может существовать без памяти, однако люди убеждены в том, что повседневность, подобно их собственной тени в солнечный день, никуда не девается.

Так кто же я, в самом деле? Что я здесь делаю? Я оказался здесь по работе? Закончил дела? Что это за работа? Какой сейчас месяц, какое число? Где я вообще?

Человек, утративший память, – загадочное создание. При потере контакта с окружающим миром исчезает и сама человеческая личность. Человек существует как представитель этого мира, ощущает себя его частью. Показывая на себя, он говорит «я»...

Ладно, хватит!

Какой бы нелепой ни казалась ситуация, в которую я попал, но это реальность. И ничего с этим не поделаешь. Скоро сядет солнце. Что-то ведь надо делать... Должно же быть какое-то место, куда я должен вернуться!

Попробуем порассуждать.

Так, что у нас в карманах? Если найдется удостоверение личности или другой документ, все просто. Были бы адрес и имя – память легко вернется.

Я достал бумажник. Деньги. Несколько банкнот, на которых какие-то коричневые пятна. Масло, что ли? И больше ничего. Даже визитных карточек нет. А в других карманах?

Я полез в грудной карман пиджака. Ого! Чехол для ключей. Один ключ вроде бы от машины, другой, похоже, от квартиры. То есть ключ от машины у меня есть...

Если так, она должна быть где-то рядом? Но найти ее не получилось. Да и как я мог это сделать, не понимая, что именно разыскиваю? Ни один детектив не смог бы угадать мое имя только по чехлу для ключей и бумажнику. Обе вещи из черной кожи, довольно безвкусные, никаких инициалов на них не было. Они мне ни о чем не говорили. С таким же успехом они могли принадлежать другому человеку.

Я решил пройтись и подумать на ходу. Но чем больше думал, тем сильнее становилось мое раздражение. Более идиотской истории трудно придумать!

Уверен, что до самого последнего времени я жил самой обыкновенной жизнью, без всяких проблем. И вот оставил где-то автомобиль на такой же улочке, и пошло-поехало – забыл вообще все. Как так могло получиться?! Не надо было дрыхнуть на этой чертовой скамейке...

От таких раздумий на меня обрушилась волна злости, непонимания и страха. Смесь, отдающая помешательством.

Всё, стоп! Успокойся. Начало всей этой дурацкой неразберихе дал какой-то толчок. И раз она так неожиданно началась, может так же быстро и кончиться. Я подошел к табачной лавке купить газету. Меньше десяти тысяч у меня не было, и сидевшая за прилавком бабуля скорчила недовольную физиономию. Но, кроме недовольства, я заметил в выражении ее лица и что-то похожее на нежность и печаль.

Я посмотрел, за какое число газета. 18 марта 1978 года, суббота. Мне это ничего не говорило, ни о чем не напомнило. Хотя раз сейчас 18 марта, значит, всего три с небольшим месяца назад был Новый год. Но у меня нет никаких ощущений, связанных с Новым годом. Нет, и всё тут! Не помню. Даже вчерашний день вспомнить не могу.

Попробуем по-другому. Надо попытаться вычислить по одежде, в какой среде я вращался и чем занимался по работе.

Чем прежде всего я отличаюсь от проходивших мимо меня? Отсутствием галстука. Сарариманы² даже по субботам нередко выходят на улицу в галстуках. Выходит, я не добропорядочный сарариман, раз на мне нет галстука.

Я попробовал представить, как завязываю галстук. Ничего не получилось. Значит, я это делать не умею.

Я лишился памяти! Глупая история, конечно, но наконец я это понял. Неужели это началось с того, что я забыл, где

---

² Сарариман – японское название категории работников, в основном служащих, которых принято называть «белыми воротничками» (от англ. *salaryman* – «человек, живущий на зарплату»).

оставил машину?

Это называется «потеря памяти». Бац, и готово – ничего не помню. О таких случаях не раз рассказывали по телевизору, но я не думал, что нечто подобное может случиться со мной. Вот как оно происходит, оказывается...

Стоп! А может, я из больницы сбежал? Пациент с потерей памяти! Замечательная болезнь – потеря памяти... Ничего странного, если я с ней оказался в больнице.

Больница?.. Что-то такое вроде зашевелилось в голове. Белые стены и потолок, передвижная скрипучая металлическая кровать, на которой я лежал...

Стоп. Не будем ломать голову. Со временем, возможно, вспомнится. Получается, я удрал из больницы и заснул в сквере на скамейке? Тот еще пациент...

Ну нет! Странно получается. Почему в таком случае на мне нет больничной пижамы? Вместо нее джинсы и джемпер. В такой одежде в больницу не положат.

Кто обычно так одевается? Какие люди? Одежда чистая. Студент? На рабочего не похоже. Кожа на руках вроде свежая, молодая...

* * *

Я шел не спеша. Наконец увидел впереди станцию. Ускорил шаги и прочитал на вывеске: «Коэндзи».

«Коэндзи»? Ну, это-то я знаю! Станция на линии Тюо. Но,

к моему удивлению, на этом все и кончилось. Мысль моя больше не продвинулась ни на шаг.

Постепенно темнело, на платформах и у турникетов включили освещение. Людей на станции было не так много – возможно, из-за субботы. Стало холодно. Белый свет флуоресцентных ламп, казалось, излучал тепло, и меня потянуло внутрь.

Я побродил по станции, останавливая взгляд на вывесках, висящих на стенах постерах, станционных служащих у турникетов. Никакого результата. Память возвращаться не хотела.

Совершенно идиотская ситуация (сколько уж раз я себе это говорил!). Если дальше так пойдет, придется ночевать в каком-нибудь рёкане³. Придется искать новое жилье, а денег нет. Может, завтра получится вспомнить, где я живу...

Наверное, надо обратиться в полицейский участок, подумал я, но, увидев полицейского, почему-то расхотел с ним разговаривать. Это стало для меня неожиданным открытием.

Пройдясь по станции, я собрался было сесть в электричку, но передумал: куда я поеду? Раз здесь все началось, то и причина где-то здесь же. И я должен ее найти.

Пошатываясь, я прошел под эстакадой и оказался на узкой улочке, сияющей неоновыми вывесками. Двинулся по ней, рассчитывая отыскать какой-нибудь дешевый рёкан, где

---

³ Рёкан – гостиница с номерами в традиционном японском стиле.

останавливаются парочки.

Солнце только село, а на улице уже появились первые нетвердо стоящие на ногах личности. Я обходил их стороной, и в душе поднималось необъяснимое смятение.

Оно возникло впервые с тех пор, как я открыл глаза на той скамейке. В голове вихрем кружились мысли. Вспомнился старый сон? Или со мной что-то случилось раньше и сейчас я переживаю это вновь?

Я вижу полную, сильно накрашенную женщину, стоящую возле лампы с бумажным абажуром; она что-то говорит. Через приоткрытую дверь сочится лиловый цвет. Чуть дальше в помещении видна полка, на которой стоят бутылки с вином. Трудно поверить, но все это я *помню*.

Странное ощущение. Из головы полностью улетучилась информация о том, кто я такой, откуда приехал, чем занимался; зато теперь я знаю, что происходит сейчас и что произойдет через несколько минут.

Память закружилась в водовороте. Ага, вот оно! За углом стоит молоденькая девушка. С ней парень. Она пытается вырваться из его рук. Наконец ей это удается, и она бежит ко мне.

Веселая улочка, полная питейных заведений, закончилась, и я оказался в закоулке, освещенном редкими фонарями.

В самом темном углу между двумя фонарями громко выясняли отношения мужчина в солнечных очках и молодая

женщина в мини-юбке. Сцена малоприятная. Вокруг ни души. Я остановился и стал наблюдать.

Глядя перед собой пустыми глазами, женщина упала перед мужчиной на колени. Потом села на поджатых ногах на черный асфальт. В следующее мгновение она, собравшись с решимостью, вскочила на ноги и бросилась в мою сторону. Подчиняясь рефлексу, мужчина с силой схватил беглянку за левую руку, но тут же отпустил. Двигаясь по инерции, женщина рухнула мне под ноги.

В голове стоял непрерывный звон. Этот звук опустошал меня. Непостижимым образом я утратил всякое желание что-либо делать, что бы ни творилось у меня на глазах. Даже пальцем шевелить не хотелось. Не знаю, как объяснить это состояние.

И все же я медленно протянул руку к лежавшей передо мной женщине и наклонился, но увидел не ее, а того парня в солнечных очках.

Позади послышался звук быстро приближавшихся шагов. Похоже, какой-то добропорядочный гражданин, увидев, что происходит, спешил на помощь к девушке.

Мне было все равно, кто я такой. В то же время оставаться безучастным к девушке я не мог. Она была хороша собой. Я *знал* это и потому не мог не испытывать к ней интерес. То, что касалось меня самого, было мне безразлично, казалось нереальным, будто окутанным туманной пеленой. Потому что я *знал*, что последует дальше. Это было предопре-

делено.

Подбежавший молодой парень обнял девушку. Невысокий и кругленький, с короткой стрижкой, обычно так стригутся повара. Девушка, извиваясь всем телом, стряхнула с себя его руки. Потом бросилась ко мне и повисла на груди.

Я вдруг почувствовал боль. Она пронизала тело, как только голова девушки коснулась моей груди.

Парень в черных очках пристально наблюдал за происходящим, потом повернулся и удалился прочь.

Толстячок с прической повара стоял и какое-то время смотрел на нас. В его взгляде я заметил сожаление.

– Извини, – со слезами проговорила девушка.

– Ну и к чему это все? – выкрикнул парень и тоже покинул сцену.

Знакомый, наверное, подумал я.

И в этот момент мне все стало ясно. Я лишился памяти. Иными словами, ничего не помнил из прошлого. Но зато я знал *будущее*. Я в курсе того, что ждет меня впереди, в курсе всех историй, которые будут происходить дальше с моим участием.

Понимание этого факта принесло много открытий. Во-первых, меня охватила глубокая апатия. Ноги сделались ватными. Ощущение было таким, будто я еду на конвейерной ленте. Меняется пейзаж, течет время. И мне предстоит убедиться в том, с чем предстоит столкнуться.

Передо мной появилось лицо девушки. Белая кожа, длин-

ные ресницы, рост ниже среднего. Ее волосы легли на мое плечо.

Нос с горбинкой. Полноватые губы. Маленький рот. Губы шевельнулись:

– Извини, – сказала она еще раз.

В моей голове вслед за ее лицом сразу всплыло лицо другой девушки. Два лица соединились в одно.

Девушка, что возникла в моем уме, тихо улыбнулась.

– Не бросай меня, – проговорила она.

Реальная девушка, что была у меня перед глазами, улыбнулась и сказала то же самое:

– Не бросай меня.

– Может, погуляем? – сказала первая.

– Может, погуляем? – повторила вторая.

Девушки похожи как близнецы. Симпатичные. Не красавицы, но очень милые, и как бы это сказать... похожи на эльфов, что ли. Такой тип.

– Отдохнем здесь?

Два женских голоса звучали одновременно, отдаваясь эхом в ушах. Впереди показалась кафешка. Сознание куда-то удалялось, колени мои подогнулись. Бах! Я почувствовал, что ударился задом обо что-то твердое. Подо мной была каменная лестница.

2

Придя в себя, я понял, что лежу на диване, в дальнем уголке кафешки.

– А-а... – непроизвольно протянул я и приподнялся.

– Лежи, лежи! Не вставай, – сказала девушка.

Я не сразу сообразил, что со мной случилось, пока в голове не прояснилось.

Не обращая внимания на слова девушки, я снова привстал и огляделся. На мое счастье, посетителей в кафе не оказалось.

– Ну что? Как себя чувствуешь? – спросила девушка, когда хозяин кафешки поднес мне чашку. – Я попросила горячего молока. Думаю, это как раз то, что тебе надо.

Я поблагодарил девушку, чувствуя, что краснею.

– Мы с хозяином занесли тебя сюда. Что случилось? Устал, наверное? – глядя на меня ясными глазами, спросила она.

Выпрямившись, я сел на диване.

– Как ты?

– Нормально. Похоже, устал немного.

– Выпей, – сказала девушка.

– Какой-то странный день сегодня... – проговорил я, отхлебнув из чашки.

Меня вдруг затошнило, скрутило желудок. Странное чув-

ство, до сих пор такого не было. Медленно откинувшись на спинку дивана, я попытался вспомнить, как меня зовут. Безрезультатно. Ну кто же все-таки я такой?

– Мы раньше встречались? – обратился я к девушке.

– Нет. В первый раз, – беззаботно отвечала она.

Наконец я смог рассмотреть ее как следует.

Лицо, пожалуй, все-таки кругловато. Горбинка на носу. Очень большие глаза. На веках коричневые тени. Губы розовые, зубы ровные, красивые. Подбородок чуть заостренный, кожа будто выбеленная. Красивая, симпатичная, как хотите назовите. В любом случае ужасно очаровательная.

Девушка наклонила голову и поморщилась. Подняла колено, положила на него правую руку. Чулок у нее был порван, на нем расплылось пятно крови.

– Вот, поранилась, – проговорила она. – Может, чулок снять?

Я молчал, не зная толком, что сказать.

– Как твое имя? – вдруг спросила девушка.

– М-м... – запнулся я, не ожидая такого вопроса.

Проснувшийся во мне дар пророчества испарился.

– Имя...

Я задумался. Собрался было выдумать какое-нибудь имечко, но голова совсем отказывалась работать.

– Ну да. Мы же еще не знакомы. Меня зовут Рёко Исикава, а тебя?

– Э-э... ну...

– Ну?

– Ты не поверишь... я забыл.

Девушка рассмеялась. Подумала, что я шучу.

– А кем работаешь?

– По правде говоря, не знаю.

Девушку все больше разбирал смех.

– Хочешь угадаю?

– Давай.

Может, и правда – пусть попробует...

– Инженер-строитель? Угадала?

– Может, и так.

– Тогда интерьер-дизайнер?

– М-да... если судить по одежде...

– Ну правда, кто ты?

– Я же говорю: забыл.

– Чудной ты какой!

– Пусть. А этот хмырь в очках, он тебе кто? Муж?

– Еще чего! Я еще не старуха.

– И сколько тебе?

– Девятнадцать.

– Девятнадцать? Молодая, действительно...

– А тебе сколько?

– Мне? Ну, это...

– Тоже забыл?

– Ну да.

– Вот я и говорю: чудик! Подозрительный какой-то.

После недолгих колебаний девушка набралась смелости и призналась, что тип в солнечных очках – ее парень. Вообще-то они уже разбежались, но он все не хочет слезать с ее шеи.

– Работает где-нибудь?

Девушка отрицательно покачала головой.

– Я за него работаю. В баре. А он ни черта не делает. Днем сидит в патинко⁴, вечерами у него маджонг, по ночам пьет-гуляет. Обычное дело.

Я несколько раз кивнул и вдруг почувствовал, как в голове снова поднимается туман. Голос девушки звучал словно эхо, то приближаясь, то удаляясь.

«Я из префектуры Мияги, из Мацусимы, – вещала она. – После школы сразу уехала в Токио, который манил меня как магнитом, и попала в мир, где вроде все легко и приятно, но попробуй достань, что тебе хочется».

– Что? – спросил я. Ее слова до меня толком не дошли.

– Спаси меня, пожалуйста.

– Что? – рассеянно переспросил я.

Мне показалось, что я снова очутился в том сквере, сплю на скамейке. Может, так оно и есть. Не похоже это все на реальность.

– Что случилось-то? Ну и видок у тебя...

---

⁴ Патинко – популярный в Японии игровой автомат, представляющий собой промежуточную форму между денежным игровым автоматом и вертикальным пинболом.

По правде говоря, мне и в самом деле было очень паршиво.

– Правда? Схожу-ка я в туалет. В зеркало погляжу.

– Туалет там. Сам дойдешь? Может, проводить тебя?

– Не надо. Все нормально.

Я еле поднялся. Тряслись ноги, голова, все тело. В голове ожила боль, желудок все никак не мог успокоиться.

Держась за стену, я направился к двери с надписью «ТУАЛЕТ» и отворил ее.

Слева висело зеркало. Опершись обеими руками об умывальник, я посмотрел на свое отражение.

О, ужас! Я никогда не забуду того, что увидел. У меня вырвался вопль. Точнее, мне так показалось. На самом деле ужас лишил меня голоса. Вырвавшийся из горла звук напоминал скрип бешено вращавшихся вхолостую шестеренок.

Из зеркала на меня смотрело странное существо, не похожее на человека. Нет, обличье у него было человеческое, но там, где полагалось находиться лицу, была втиснута пунцового цвета дыня, украшенная по поверхности замысловатым рисунком, который напомнил мне разбегающиеся по листу дерева жилки.

От неожиданности я плюхнулся на пол и почувствовал, что волосы на голове встали дыбом. Это происходило со мной на самом деле. Я знал.

Я не мог смотреть на открывшуюся мне в зеркале картину, это было невыносимо, и все равно она стояла передо мной

как живая. Как я ни старался ее прогнать, она не пропадала. Рвотные позывы накатывали все сильнее. Я сдерживал их изо всех сил. Слезы и слюна текли по щекам и подбородку. Рухнув на четвереньки, я уперся лбом в грязный пол.

Тут же раздался стук в дверь.

– Эй! Как ты там? Живой? – С неба на меня обрушился мужской голос. Хозяин кафе.

– Ничего. Поскользнулся просто.

– Тебе бы домой поскорее, – посочувствовал хозяин.

– Ты как там? – раздался звонкий женский голос. У меня опять закружилась голова. От зрительной галлюцинации зарябило в глазах. Я увидел со спины сидевшую на корточках женщину. Она медленно встала, повернула голову в мою сторону. Это...

– А-а-а! – вырвалось у меня. – Вытащите меня отсюда! – закричал я.

Хозяин и Рёко Исикава потащили меня к выходу, подхватив под руки.

Хозяин придержал дверь, а девушка достала из кармана юбки сложенную вдоль тысячную купюру. Я рассеянно посмотрел на нее. Тысяча?..

Со странным ощущением, вновь охватившим меня, я спустился по лестнице.

– Ну как? Доберешься до дома? – спросил хозяин.

– Ничего... – быстро ответил я.

Подошла Рёко и, чтобы поддержать, снова взяла меня под

руку. Хозяин кафешки удалился. Эта маленькая девушка оставалась моей единственной опорой.

А дальше... Почему я сказал это, обращаясь к ней?

– Пошли отсюда скорей. К тебе пойдем.

Рёко взглянула на меня с удивлением. И это понятно. Вообще-то это нахальство. Ведь она впервые меня видит.

– Почему? – спросила девушка рассеянно. – Почему ко мне?

– Извини, пожалуйста. Конечно, это наглость с моей стороны, но мне показалось, ты так скажешь... Извини, правда.

– Да ничего, но...

Однако я почувствовал, что ей как-то неловко, что-то ее беспокоит.

3

Рёко Исикава жила не так далеко от скверика, где началась вся эта дурацкая неразбериха. Ее комната была на первом этаже двухэтажного деревянного дома; в коридоре висела тусклая люминесцентная лампа.

Вставив ключ в замок, девушка отворила дверь; мягко колыхнулись опущенные перед входом занавески в красно-белую клетку.

Рёко торопливо проскользнула под ними, и через пару секунд в комнате зажегся свет. Похоже, она быстро наводила в комнате порядок. Наконец послышалось: «Заходи!» Я разулся и вошел в комнату.

При свете лампы оглядел комнату. Шторы на окнах и покрывало на кровати были в красно-белую клетку, коврик – красный, мебель – вся белая; в комнате стоял едва уловимый аромат духов. На полке сидела панда, сшитая из лоскутков. Короче, типичное девичье жильё.

– Садись, пожалуйста. – Рёко указала на котацу⁵ посреди комнаты. По правде говоря, я был очень ей благодарен за это предложение и рухнул на пол как подкошенный.

– Давай-ка, приляг.

---

⁵ Котацу – традиционное приспособление для отопления японского дома, представляющее собой покрытый одеялом низкий столик, под которым находится источник тепла.

– Что-то мне нехорошо, – проговорил я и, плюнув на приличия, повалился набок. Я и вправду чувствовал себя хуже некуда. Где-то в груди возникла странная боль, как от ушиба.

Я чуть не уткнулся носом в лежавший на полу мужской журнал.

– Включу телик?

Рёко нажала кнопку на черно-белом телевизоре. Шел какой-то ковбойский фильм. Я увидел полку с бутылками, какого-то мужчину...

Я вспомнил лицо того парня в солнечных очках. В тот же момент меня охватил страх. А что, если он зайвится сюда? В таком состоянии мне с ним, конечно, не справиться. Может, эта девчонка собралась меня здесь защищать? Сила-то у нее откуда возьмется?

– Есть хочешь?

– Не-е, не хочу.

Хотя в животе было пусто. Но тошнота не проходила, и есть совершенно не хотелось.

– Врешь ты все. Голодный, конечно... Что тебе приготовить? В знак благодарности.

– Благодарности? – Какая может быть благодарность, ведь я ничего не сделал. – Ладно тебе. Скажи лучше: тот парень к тебе сюда ходит?

– А-а, все нормально, – беззаботно ответила Рёко, но уверенности в ее словах я не почувствовал. – Пойду-ка куплю что-нибудь. Может, помотришь, как я готовлю, и аппетит

появится... Подожди, скоро вернусь.

С этими словами она сорвала красную салфетку с при-слоненного к стене предмета. Что-то блеснуло, отражая свет свисавшей с потолка лампы. Я непроизвольно отвернулся, чтобы не видеть стоявшего на подставке зеркала. Какой ужас! Я вспомнил, *что* увидел в кафешке, и задрожал всем телом.

Девушка, судя по всему, подправила макияж и легким движением вернула салфетку на место.

– Скоро вернусь! Подожди немного, – живо бросила она и вышла. Из коридора донесся громкий стук ее каблучков.

Послышался выстрел. Стреляли в телевизоре. Я взглянул на экран. Заняться было нечем, и я стал наблюдать за происходящим. Незаметно на меня накатила сон.

* * *

На какое-то время я задремал. Открыв глаза, увидел, что к потолку поднимается пар из стоявшей поверх котла кастрюли. Рёко Исикава с серьезным видом помешивала в ней.

– Эй! – подал голос я и осторожно, стараясь не задеть котла, приподнялся.

– А, проснулся, – сказала Рёко. – Я курицу приготовила.

– О! Вкусно пахнет.

– Поешь?

– Да, наверное.

Странная у нас получилась трапеза. Вроде я сидел за столом с женщиной, с которой уже давно живу вместе и которая мне хорошо знакома, – и в то же время совершенно чужой и непонятно о чем думающей.

Мое собственное психологическое состояние не поддавалось объяснению. В обычной ситуации только бы радоваться. Рядом девятнадцатилетняя девчонка, хорошенькая, позвала к себе, стол накрыла, кормит... Чего тебе еще надо? Однако внутри что-то противилось происходящему. Засело чувство, что вся эта благодать мне не подходит и что впереди ждет еще много чего. Вероятно, еще и по этой причине аппетит никак не хотел просыпаться. Откуда же такое чувство? Так или иначе, надо поскорее решить вопрос с ночлегом.

– Почему ты со мной возишься? – спросил я.

– М-м-да, почему? – ответила девушка, и то, как она это сказала, как-то сразу развеяло свербевшее во мне, как заноза, чувство. – Вообще-то я кое-что задумала...

– Задумала?

– Ну да.

– Что же?

– Хочу завтра съехать отсюда.

– Серьезно?

– Ну да. Одна я не справлюсь. Помощник нужен.

– То есть я?

– Других знакомых парней у меня нет.

– Прямо завтра? С чего такая спешка?

– Хочу убежать от одного человека.

Что ж, звучит убедительно.

– Ты грузовик водить умеешь?

Автомобиль... Я попытался представить, что видит перед собой водитель. Руль, педали, рычаг коробки передач... Вроде помню. Значит, должен уметь рулить. Смущало только одно: прав-то у меня нет. Потерял, похоже.

– У меня права пропали. Обронил, что ли, где...

Рёко как-то странно взглянула на меня и хихикнула.

– Ничего, справишься как-нибудь.

Мне сразу тоже стало все равно.

– Точно.

– Класс!

– Ну, спасибо за угощение. Мне еще надо найти где переночевать.

– А чего искать? Оставайся здесь.

– Здесь?!

– Ну да.

– А можно?

– Можно, – с легкостью ответила Рёко.

– А ничего?

– А чего такого-то?

Я уже еле ворочал языком.

– Ложись здесь.

– А ты?

– Я могу к подруге пойти.

– А у тебя есть подруга?

– Тогда, может, вместе ляжем?

У нее точно с головой не в порядке, подумал я. Хотя из уст Рёко все эти слова прозвучали совершенно естественно.

Снова возникло ощущение, будто я сплю. Да, ничего удивительного, это сон, в котором все предстает в удобном для меня виде и отражаются мои желания...

4

Открыв глаза, я понял, что лежу на красном ковре под ватным одеялом. Голова на двух сидушках, заменявших подушку, слегка побаливает. Однако настроение стало намного лучше.

«Что с памятью?» – промелькнула мысль, как только в мозгу прояснилось. Вчерашние события вспомнились сразу, однако что происходило со мной до того, как я проснулся в скверике, по-прежнему было покрыто непроницаемой завесой. Мое прошлое скрывалось во мраке. Похоже, болезнь оказалась серьезной.

Я поднялся, оглядел комнату. Рёко куда-то ушла. На часах было еще только начало девятого, но мне казалось, что проспал очень долго. Что происходило накануне вечером, я помнил примерно часов до девяти. В углу лежал мой сложенный джемпер.

Я заметил на котацу листок, на котором круглым детским почерком было написано: «Я пошла в магазин. Дождись меня обязательно. Рёко».

Та-ак. Значит, вчерашний вечер, встреча с девятнадцатилетней девушкой – это не сон.

Подожду ее возвращения; может, она мне кофе сварит... На завтрак – тосты, омлет и красивая девушка. Недурно, а? Окружавшая меня реальность ощущалась как фантазия, ко-

торуя я воплощаю с помощью собственной воли. То чувство еще жило во мне. Ощущение, что прошлое неясно и понятно только будущее. Что же это в конце концов означает?

По бетонному полу коридора зацокали босоножки. Рёко вернулась. Ключ повернулся в замке – значит, уходя, она меня заперла. Я бы все равно ее дождался.

Распахнулась дверь. В комнату ворвался легкий ветерок, еле слышно задрезжали створки шкафа и оконное стекло.

– А, проснулся? – услышал я.

Босоножки застучали громче; наконец она вошла в комнату с бумажным пакетом в руках и плюхнула его на котацу. В пакете оказались сэндвичи и салат.

– Кофе или чай? Что будешь?

– Все равно. Как скажешь.

У меня как-то странно защемило в груди. Возникло предчувствие, что происходящее обязательно принесет этой девушке боль.

То есть?.. Я задумался. Может, у меня есть жена, дети?

В тот момент перед моими глазами возникла чашка с дымящимся кофе, и меня сразу охватило невыразимое спокойствие.

– Замечательно!

– Правда?

Такие разговоры заводили меня в непроходимые дебри. В том беспомощном состоянии, в котором я находился, сидевшее передо мной создание – это спасение. Девушка по име-

ни Рёко неотступно, все глубже проникала в сознание.

Кто она? И кто я такой? Как получилось, что мы так сблизились? Почему? Потому что ей нужно съехать отсюда? А когда это произойдет, я стану уже не нужен? Неужели переезд закончится и мы больше никогда не увидимся? Меня опечалила эта мысль. Какая тоска снова остаться одному!

– Ну что, переезжать будем? – невольно вырвалось у меня.

– Будем, – ответила Рёко, не вставая из-за котацу. – Ты готов?

– Готов.

– Тогда поехали.

* * *

Завтрак кончился, и вскоре мы уже тряслись в электричке по линии Тюо. Название линии сразу всплыло в голове; я вспомнил, откуда идет наша электричка и куда. Электричку вспомнил, а имени своего – нет. Странно все это...

– Куда мы едем? – поинтересовался я у Рёко Исикавы.

– Толком не знаю. Думаю поискать на линии Тоёко, – сжимая в руке ремешок, ответила она.

– А там что?

– Комнату поискать хочу.

– Комнату? Ты еще не знаешь, куда переезжаешь?

– Ну да.

– Дом еще не выбрала и даже район?!

– Ага.

– И сегодня собралась переезжать?

– А что, нельзя?

– Да нет, почему... А грузовик-то где возьмем?

– В Коэндзи есть заводик, где делают строительные блоки.

Дядечка – хозяин – обещал мне дать. Если брать напрокат, станут проверять – то да сё... Дядечка сказал, что в воскресенье грузовик свободен. Ты с ним справишься?

– Надеюсь... хотя права-то я потерял.

– Подумаешь, какая важность.

– И то правда, – поддаваясь ее настроению, я беззаботно кивнул.

В Сибуя⁶ мы пересели на желтую ветку – линию Тоёко. Рёко сказала, что ей нравятся поезда на этой линии, в них она чувствует себя богачкой.

Ехали мы довольно долго. Чем дальше от Сибуя, тем свободнее становилось в вагоне. Мы сидели рядом, разговаривали, а когда разговор прерывался, рассматривали открывавшуюся из окна незнакомую панораму.

– А, здесь! На следующей сходим! – неожиданно воскликнула Рёко.

Так я впервые очутился с ней в совершенно не знакомом мне месте – Мотосумиёси⁷. На абсолютно ничем не приме-

---

⁶ Один из центральных районов Токио, крупный транспортный пересадочный узел.

⁷ Железнодорожная станция в Кавасаки – городе-спутнике Токио.

чательной станции. Район Коэндзи по крайней мере был мне знаком; тут же не было ничего, что могло вызвать хоть какое-то чувство.

Пройдя через турникеты, мы очутились в подземном переходе. Поднялись по лестнице на улицу. Первое, что бросилось в глаза, была кондитерская. Напротив – контора по сделкам с недвижимостью. Рёко быстро толкнула стеклянную дверь и вошла внутрь. Казалось, эта совсем молоденькая девушка ничего не боится. Она действовала смело, временами даже нагло.

А вот я, очутившись на этих незнакомых улочках, все сильнее испытывал одиночество, чувствовал себя здесь чужаком. Мне хотелось покрепче схватиться за хрупкую руку девятнадцатилетней девушки. От того места, куда меня занесло, до Коэндзи расстояние очень приличное. Так что тому типу в солнечных очках до Рёко не добраться.

Жилье мы нашли сразу. Комната дешевая и очень хорошая, расхваливал товар старичок, вызвавшийся проводить нас до места. Дом, деревянный, двухэтажный, оказался в семи-восьми минутах ходьбы от станции.

Со стороны улицы он был покрашен коричневой краской, а позади совсем рядом проходила линия Тоёко. «Да-а, электрички тут, конечно, покоя не дают», – подумал я. Смотревшую на железную дорогу заднюю стену дома отделали оцинкованным железом, выкрашенным в бледно-зеленый цвет.

В Мотосумиёси многие дома почему-то обивали железом

и красили зеленой краской. На линии Тюо такого не было. От подобной архитектурно-цветовой гаммы пахло бедностью. Однако это ощущение каким-то странным образом звучало в унисон с моими грустными мыслями. А мысли были о том, чтобы поселиться затворником где-нибудь на окраине Токио.

Слева от дома находилась автомобильная развязка с выездами на скоростное шоссе. Под развязкой проходила линия Тоёко. Поверху грохотали грузовики. Дом, где собиралась поселиться Рёко, наполовину закрывала тень от эстакады, под которой приютился крошечный сквер: песочница, лазалки, качели, скамейки. Вот это мне понравилось. Солнце под эстакаду, конечно, не заглядывало, но все же при доме какой-никакой, а скверик.

С трудом отодвинув в сторону стеклянную входную дверь, мы сняли обувь, поднялись по пристроенной справа от входа скрипучей лестнице и, повернув направо, остановились у первой двери. За ней оказалась комната на шесть татами⁸ и кухонька на три татами. Ни туалета, ни ванной, стены старые, запачканные. Хотя все-таки просторнее жилья Рёко в Коэндзи.

Позади железная дорога, рядом транспортная развязка, по которой грохочут грузовики. Неудивительно, что желающих снять жилье в таком доме днем с огнем не сыскать. По

---

⁸ Татами – традиционная единица измерения площади жилья в Японии. Площадь татами – 90x180 см (1,62 кв. м).

словам сопровождающего, свободные комнаты имелись и на первом этаже, но со второго этажа вид куда лучше.

Недолго думая, Рёко быстро подписала договор. Видимо, ей очень хотелось уехать из Коэндзи как можно скорее.

5

Вернувшись в Коэндзи, мы пообедали на скорую руку и сразу отправились на заводик, где лепили стройблоки. Хозяин – знакомый Рёко – оказался свирепого вида мужиком, лицом напоминавшим краба и, судя по всему, большой любитель женского пола. Он стал бесцеремонно поглаживать Рёко по плечам, рукам и талии. Оригинальный стиль работы с клиентами, желающими взять в аренду грузовик.

Рёко сказала, что познакомилась с этим типом в заведении, где она работала. Можно представить, что это за заведение, если там такие клиенты. «А это мой брат», – представила она меня, даже не покраснев от своего вранья.

Как я и думал, в управлении грузовиком ничего непонятного не оказалось. Но стоило мне взяться за руль, как вдруг я, по непонятной причине, почувствовал отвращение. Захотелось поскорее выбраться из кабины. Начала болеть голова, подступила тошнота.

Внутри закипело; меня охватило настоящее бешенство, объяснения которому я найти не мог. Я так распалился, что представил себя чуть ли не якудзой.

– Ну как? – заглядывая в окно грузовика, спросил хозяин с видом человека, принимающего всех за идиотов. Я чуть не врезал ему по физиономии.

Стоявшая рядом Рёко помогла мне справиться с гневом,

проворковав:

– Спасибо вам большое. Тогда мы забираем машину?

В этот момент мне впервые пришла в голову мысль, что я не хочу, чтобы память вернулась. Потому что раньше я все делал неправильно. Мы проехали уже прилично, миновали несколько поворотов и светофоров, но злость все никак не отпускала.

Хоть Рёко и говорила, что в комнате у нее ничего нет, вещей набралось порядочно. Пользованную посуду она решила не брать и щедро одарила ею соседку. Разное барахло, в том числе какие-то мужские вещи, свалила в пластиковые пакеты для мусора, туда же отправилась тряпичная панда. Было решено везти на новое место только крупные вещи, а мелочь раздарить или выбросить. Благодаря этому мы выехали из Коэндзи раньше, чем предполагали.

Для человека, которому некуда возвращаться, сидеть за рулем грузовика – не самое плохое занятие. Мне начинала нравиться такая жизнь.

Рёко, сидевшая на пассажирском сиденье, время от времени сверяла наш маршрут с картой. Вид у нее тоже был довольный. Чем дальше мы удалялись от Коэндзи, тем веселее она становилась. Видно, приятных воспоминаний от этого места у нее не осталось.

– А как же твой бар? – спросил я, и веселье прекратилось. Похоже, Рёко вспомнила ссору накануне вечером, свидетелем которой я стал.

Рёко прокладывала маршрут; дорога пошла берегом Тамагавы⁹. Смеркалось. Солнце уже опустилось на крыши домов, стоящих на той стороне реки на удалении от берега.

Вчера, в это же время, я проснулся на скамейке в парке. Тогда все и началось. Прошли всего сутки, а казалось – целая неделя...

Задувал приятный ветерок. Было совсем не холодно. Волосы Рёко растрепались под порывами ветра.

– Останови-ка, – попросила она. – Давай сходим к реке.

– А как же вещи?

– Да кому они нужны, – рассмеялась девушка.

Я остановил грузовик на обочине, и мы, осторожно ступая по поросшей травой насыпи, спустились к реке. Шедшая позади меня Рёко протянула руку, и я сжал ее, чтобы подержать девушку.

Она не убрала руку, когда мы подошли к воде. Это был миг счастья.

Рёко больше не спрашивала, как у меня с памятью. Не иначе, по-прежнему думала, что я пошутил. Я сделал глубокий вдох и подумал: «Как же хорошо!» Все мои вчерашние муки словно ветром сдуло.

А ведь, если подумать, я и вправду счастлив сейчас. С прошлым меня ничто не связывает. Следовательно, страдать не по чему. Я будто только что появился на свет. Я абсолютно

---

⁹ Тамагава – река на о. Хонсю, протекающая в том числе по территории Большого Токио.

свободен. Рядом прелестная девушка. И я вроде ей не безразличен. Я все больше начинал думать, что потеря памяти – это вовсе не плохо.

Этим мыслям я был обязан Рёко. Не встретиться мы, пришлось бы ночевать в затхлом дешевом рёкане, а наутро снова пуститься на поиски собственного прошлого. И какие безрадостные думы одолевали бы меня сейчас, когда снова приближается ночь... Какое отчаяние охватило бы меня, останься я один! При этой мысли по телу пробежала дрожь. Как же я должен благодарить Рёко! Она мне нужна. А может быть, она во мне тоже нуждается, и не только для переезда... Как здорово, если так! Когда она рядом, на сердце тепло. Я не хочу расставаться с ней. К тому, что мне довелось пережить в том сквере, возврата нет. Всего за один день эта девушка глубоко вошла в мою душу. Что бы ни случилось, я с ней не расстанусь. И готов на все, чтобы быть с ней вместе. На все.

Вода в реке постепенно окрашивалась золотом. На этом фоне между стоящим на приколе катером и берегом маячил силуэт Рёко Исикавы. Откуда-то послышался скрип, напоминающий звук, когда выдирают гвоздь из доски.

А-а, это чувство... Не первый раз я его испытываю. Однако что же ожидает нас впереди? Именно сейчас наступает критический момент. Но почему-то я уже перестал думать и гадать, что будет дальше, хотя бы через день.

– Эй! – услышал я громкий окрик. Силуэт застыл на месте. У меня в душе тоже все замерло.

Рёко робко двинулась мне навстречу. Началось! Назад уже возврата не будет. Вот он, решающий момент. Я хочу удержать ее любой ценой. Я не могу потерять ее! Как найти слова, чтобы она поняла это?

– Послушай: ты веришь, что я потерял память? – спросил я.

– Верю, раз ты так говоришь, – проговорила она и замолчала. Я ждал в надежде, что она еще что-то скажет.

– Я... сейчас... один остался... друзей нет... – выдавил я из себя и осекся. Как-то это не по-мужски – жаловаться на тоску и одиночество. Так дело не пойдет. По-другому надо.

Я решил сменить тон:

– Ты веришь в любовь с первого взгляда?

– Верю, – сразу отозвалась она.

– Вот, со мной случилось.

– Правда?

– Да.

– И когда же? – Взглянув на меня, Рёко стыдливо опустила глаза.

– Вечером.

Я закрыл глаза. Это было как вылить воду в песок. «Какое счастье!» – говорило сердце. И в то же время я остро чувствовал, что душа моя будто высохла. Быть может, в моем прошлом случилось что-то? Я этого не знал, но ощущение пустыни в душе не покидало. Зато теперь все будет иначе. Да что там! Не будет, а уже есть.

«Боже, благодарю тебя!»

Груди коснулось что-то нежное, мягкое. Я приоткрыл глаза – это были волосы Рёко. Ее рука ласково гладила меня по спине.

6

Выгрузив вещи, мы поспешили обратно в Коэндзи – надо было вернуть грузовик. Хозяин добивался от Рёко, чтобы она сказала, куда переехала, но та ловко перевела разговор на что-то другое и ничего ему не сказала.

Потом мы впрыгнули в последнюю электричку на линии Тоёко и всю дорогу переглядывались и чуть не до упада бессмысленно смеялись. Рёко, видимо, думала, как ловко ей удалось скинуть со своей шеи того парня в солнечных очках, а я радовался, что мы успели на последнюю электричку.

Скоро мы были в Мотосумиёси. Поезда уже не ходили, но шум от автомобильной магистрали превосходил все наши ожидания. Всякий раз, когда по эстакаде проносился большегрузный грузовик, вся комната начинала ходить ходуном. При желтом свете голой лампочки стены комнаты не казались такими грязными, как днем. Для нас это новое жилище – маленькая крепость, где мы будем жить особняком, не обращая ни на кого внимания, – было раем.

Наступила ночь. Устроившись на привезенных вещах, мы залили кипятком лапшу и поели. Посуды не было, поэтому ели прямо из кастрюли. Сталкивались над ней лбами и смеялись.

Какими словами выразить вкус этой лапши? Знали бы вы, как здорово простая лапша успокаивает разлад в душе! Че-

ловеку, не испытывавшему ничего подобного, этого не понять. Из-за охватившей меня эйфории на секунду стало нечем дышать. Я был готов на все ради этой девушки.

Потом наступила неделя, где каждый день был как сон. Память возвращаться не собиралась, да я уж и перестал об этом жалеть.

Наши перемещения ограничивались станцией, ее окрестностями и маршрутами вдоль шоссе, по которому гоняли грузовики, и железнодорожной линией. Но скучно нам не было. Никогда прежде мы не бывали в этом месте, никогда прежде не видели людей, с которыми встречались теперь и иногда обменивались парой слов. Наведывались в торговые заведения в поисках самых стоящих вещей – приценивались в маленьких недорогих бутиках, делали покупки в супермаркетах, обходили местные кафешки, по одному в день. Каждый день у нас было новое яркое приключение.

Имени своего я не помнил, поэтому решил называться Исикавой. Рёко меня вроде как усыновила. Эти наши прогулки, естественно, привели к тому, что у нас кончились деньги. Надо было думать о заработке.

Рёко увидела объявление «Требуются продавцы» и устроилась в кондитерскую рядом со станцией. Я еще какое-то время шатался без дела, встречая ее с работы, но скоро до меня дошло, что я мало чем отличаюсь от халявщика в солнечных очках. Надо идти работать, заглянуть в бюро по трудоустройству, подумал я. Но там понадобится копия реги-

страционной карточки. Пока суд да дело, прошла еще неделя.

Как-то мы возвращались с Рёко после ее работы и услышали, что на каком-то заводике – всего десять минут электричкой – набирают людей. Рабочие нужны срочно, поэтому вроде как берут без официальной анкеты.

– Гоэмон Исикава¹⁰... Как тебе? – спросил я Рёко.

– Не годится, – отвечала она со смехом.

Мне нравятся имена, оканчивающиеся на «сукэ»¹¹, и я решил: пусть буду Кэйсукэ. Так я стал Кэйсукэ Исикавой.

Заводик находился в Кикуну¹². На следующее утро я поехал туда, и меня сразу взяли на работу. Видно, хозяевам были очень нужны рабочие руки. Правда, для начала меня взяли на почасовую оплату, но выбирать не приходилось. Попробуй еще найди такое место, где принимают без анкеты и даже фотографии.

Рёко по этому поводу купила шампанского, и мы отпраздновали нашу удачу. В нашей комнате был порядок; после разведки окрестностей, которую проводили несколько дней подряд, мы хорошо освоились в Мотосумиёси, где нам стал

---

¹⁰ Гоэмон Исикава – легендарный герой-разбойник, живший во второй половине XVI в., японский Робин Гуд, грабивший богатых и раздававший все бедным. Был публично казнен – сварен заживо – за попытку покушения на правителя Японии Хидэёси Тоётоми.

¹¹ Именной суффикс, являющийся частью многих японских мужских имен: Дайсукэ, Синсукэ, Косукэ и т. д.

¹² Еще одна станция на железнодорожной линии Тоёко.

знаком каждый уголок.

Однако оставалась одна проблема, с которой у меня никак не получалось справиться. Зеркала. Почему-то я не мог смотреть в зеркала. Увидев зеркало на улице, отводил глаза. Не мог заходить в кафе, где были зеркала. Поворачивался спиной к зеркальному туалетному столику Рёко.

Конечно, я чувствовал себя перед ней неловко, но ничего не мог с собой поделать – мне становилось страшно, когда зеркало было повернуто ко мне. Однажды туалетный столик исчез. Рёко отдала его соседке. Когда я спросил, как же она теперь без зеркала, Рёко ответила, что вполне обойдется зеркальцем в пудренице.

В остальном наша жизнь протекала тихо и мирно.

С Рёко было все в порядке, тот тип в солнечных очках в Мотосумиёси не появлялся.

Как-то прохладным утром, когда от дыхания еще был виден белый парок, мы с Рёко, прижавшись друг к другу, направлялись на станцию. В толпе торопившихся на электричку сарариманов идти не хотелось, и мы выбрали круглой путь тихими переулками.

Улочки еще дремали, шторы и ставни в домах были опущены. Городок выглядел не таким открытым и безобидным, как днем. Вода, разлитая на бетоне, ослепительно сверкала под утренним солнцем у нас под ногами.

На станции у турникетов мы расстались. Рёко на работу было еще рано, а я купил билет и вышел на платформу. Ко-

нечно, расточительство с моей стороны... ну ничего, на обеде сэкономлю.

Я вышел на улицу, что вела к заводу. Постепенно людей на ней стало прибавляться, все они шли туда же, куда и я. Звуки шагов участников этого шествия, сливаясь воедино, отдавались отрывистым эхом. Я молча шагал вместе со всеми. Люди шли, не говоря ни слова, даже не пытаясь заговорить друг с другом. Мне было хорошо одному в этой толпе. В такой жизни меня все устраивало. Прохладный утренний воздух покалывал кожу. Белый пар от дыхания поднимался вверх.

И все это благодаря тому, что я повстречал Рёко. Не будь ее, все выглядело бы совсем иначе – тяжело и мрачно. Был бы просто парень, которому ничего не остается, как стиснуть зубы.

Работа на заводе оказалась несложной. В моем цеху делали витрины. Переодевшись в драные серые робы, мы готовили акриловые панели для витрин. Из больших листов акрила нарезали заготовки, сгибали, прижав к нагревателю, сдирали защитную бумагу, зачищали кромки. Через шприцы скрепляли панели клеем, потом приклеивали к опорным трехгранным призмам.

Когда листы заканчивались, приходилось таскать эту тяжесть со склада. Готовые витрины загружали в машины. Иногда приходилось сопровождать груз в Токио.

Ровно в пять работу сворачивали. Переработок почти не

было. Я шел до станции Кикунэ и возвращался на электричке в Мотосумиёси. Там, на станции, прислонясь к колонне, меня каждый день дожидалась Рёко. По обыкновению она держала в руках небольшую коробку с пирожными, которые оставались нераспроданными в кондитерской.

Плечом к плечу мы шли домой и заходили по дороге куда-нибудь выпить кофе. Наш общий доход был весьма скромным, и, понятно, ходить каждый день в кафе – это порядочное расточительство, но отказаться от этого маленького удовольствия было нелегко.

Приятно все-таки было заглянуть куда-нибудь вечером после однообразного рабочего дня. Чтобы не лишиться этой радости, я старался на работе не чесать языком и не фило-нить. Конечно, когда живешь в одной комнате, в кафе можно и не ходить, но мы все равно ходили – скорее всего, потому что у нас с Рёко не было медового месяца. Мы жили вместе, и любовь наша продолжалась.

Грязноватые улочки, резкие запахи, сопровождавшие нас до самого дома, где мы поселились, меня не особо раздражали, но стоило нам войти к себе, откинуть занавеску при входе и закрыть дверь, как сразу становилась видна разница. Это была другая вселенная, теплая, пахнувшая Рёко.

В комнате висели те же занавески, что и в Коэндзи. Рёко развесила их на единственном окне, на шкафу, у входной двери. Так как-то спокойнее, говорила она. И была права. Время от времени комната начинала ходить ходуном от про-

ходившей мимо электрички, но нас совершенно не смущало, что мы отделены от нее всего лишь куском ткани.

Усевшись рядом с Рёко у котацу, я обнимал ее за плечи и думал, что мог бы вот так и умереть. У нее был очень милый профиль. Никогда я не испытывал такого счастья. Вряд ли со мной было что-то подобное до потери памяти.

В постели Рёко часто говорила мне: «Хорошо бы наше счастье продолжалось и дальше». Я отвечал, что так и будет, но при этом меня не оставляло ощущение, что я говорю неправду. Где-то в самых потаенных уголках души поселилось мрачное чувство, подсказывавшее мне: «Такая жизнь не по тебе». Видимо, здесь была какая-то связь с потерей памяти.

Прошло уже два месяца, как мы стали жить вместе. Был день накануне майской зарплаты. Закончив работу, я отправился в раздевалку и стал собираться домой. Ко мне подошел начальник нашего отдела и по-приятельски стукнул меня по плечу.

– Ты как, свободен вечером? – тоном, исключаящим возражения, спросил он.

Среди людей, причисляющих себя к начальству, полно таких, кто любит демонстрировать свое расположение с помощью поглаживания по спине или похлопывания по плечу. Наш начотдела по фамилии Отакэ был классическим представителем этой породы.

Вот черт! Небось потащит меня в кабак. Такие люди без выпивки ни о чем говорить не могут. А темы у них можно представить какие: женщины, азартные игры, попса какая-нибудь... Наборчик, который от меня в тысячах световых лет. Такие беседы для меня мучение.

Я угадал: начотдела показал жестом – дескать, пойдем опрокинем по стаканчику. В душе мне очень хотелось отказаться, и я сказал ему, что не могу. Но он заявил, что надо поговорить о работе. Тут уж я не мог отказаться. Шеф добавил: «Да ты не дрейфь, ничего плохого я тебе не скажу». Делать нечего – я позвонил в кондитерскую и предупредил

Рёко, что задержусь, чтобы она меня не встречала и ждала дома.

Как я и ожидал, разговор, который состоялся между нами в погребке, куда он меня затащил, получился непростой, хотя и начался мирно. Отакэ поведал, что наша бригада в последнее время работает очень хорошо. Поэтому завтра, в день зарплаты, нам должны выплатить дополнительный бонус. Он за нас похлопотал и выбил премию. Так что завтра все должны не забыть печать¹³. Ну и, конечно, отблагодарить его за старание.

Зарплату нам перечисляли на счет в банке, а такие специальные бонусы выдавали на руки, поэтому и требовалась печать. Которой у меня, естественно, не было. Но на печатях выгравирована только фамилия, так что для этого случая подойдет та, что есть у Рёко. Наверняка валяется у нее где-нибудь, думал я про себя.

– И вот еще что, – подчеркнуто чванливо проговорил начальника; алкоголь уже начал туманить ему мозги. Пьяные, они такие липучие... Привыкнуть к этому невозможно.

Я поглядывал на него время от времени. Коротко остриженная голова, вытянутое лошадиное лицо, узкий, изрезанный морщинами и покрасневший от постоянных возлияний лобик. Глаза большие; на веках, под глазами, у наружных уголков глаз сеть бесчисленных мелких морщинок. Не лицо,

---

¹³ В Японии вместо подписи преимущественно используются личные печати, варьирующиеся в зависимости от важности заверяемых документов.

а сплошные морщины. Они служили начотдела средством выражения таившихся в нем эмоций и мыслей. Становились то мельче, то глубже, расстояние между ними то расширялось, то сужалось. Его мимика была красноречивее всяких слов. Этот тип напоминал мне пронырливого краснорожего моллюска. Глядя на него, я чувствовал себя все хуже. Он был мне физически противен. Чуть не до тошноты.

– Что-то ты вроде как не в себе, а? Ходишь один, как белая ворона...

«Так вот он о чем», – подумал я и, отведя глаза, уперся взглядом в декоративную фанерную перегородку, богато украшенную масляными пятнами.

– Все за тебя переживают.

«По какому поводу, интересно?» Я не испытывал к нему ничего, кроме неприязни.

– Все к тебе по-доброму... Так что ты нос особо не задирай. У нас коллектив. Мы все кореша. Всё по-душевному. Так ведь? Или я неправильно говорю?

Такие вот резоны – ни «да», ни «нет» не скажешь.

– Если у тебя что-то не так, я всегда чего-нибудь присоветую. Ну что? С бабой что не так? Или денег нет?

У таких типов других мыслей не бывает. На другое фантазии не хватает.

– Вроде всё в порядке. Просто у меня характер такой – неразговорчивый, – сказал я.

– Так не пойдет, Исикава-кун. Ты с людьми живешь, а раз

так, значит, и в начальство тебе захочется, и семьи, и подчиненных...

Вот уж о чем я не думал!

– Еще все говорят, что ты в зеркало смотреть не любишь.

Так?

Кто говорит? Выходит, все знают? Я непроизвольно избегал зеркал, и они, наверное, заметили.

– Может, у тебя с нервами что?

– Да ничего такого.

– Тогда слушай сюда. Начальника вашего участка переводят в Кансай¹⁴. Я думаю рекомендовать тебя на его место, – чванился начотдела.

– Вот как? – только и ответил я.

Удивлению начотдела не было предела. Он, верно, думал, что каждый, кто услышит такие слова, должен подпрыгнуть от радости и завилять хвостом, хотя ему заранее было известно, как я могу отнестись к его предложению. Он просто хотел посмотреть на мою реакцию на предложенную вкусную приманку. Его цель – поймать жертву, систематизировать ее, наклеить ярлык и на этом успокоиться. У таких личностей начинает рушиться вся система ценностей, когда они оказываются рядом с людьми, которым нет дела до выпивки, женщин, денег и карьеры. И их тут же охватывает тревога.

– Вот, значит, какое дело... Поэтому я должен разобраться как следует, что ты за тип. Правильно? Я ж твой началь-

---

¹⁴ Кансай – регион Западной Японии на о. Хонсю.

ник. Ты чего не пьешь? Пей! – распорядился начотдела.

Вообще-то у начальника нет оснований заставлять подчиненного пить. Ведь человек выпивает для удовольствия, но начальник имел на это свой взгляд: должно быть по-моему, и точка.

Начотдела словно прочитал мои мысли.

– Нет, парень, так не пойдет, – гнул он свою линию. Вместо «Исикавы-кун» я стал просто «парень». – Ты вообще о чем думаешь? Не хочешь по-людски жить? Отгородиться от всех собрался? Понты будешь разводить? Уж меня-то на это не купишь.

Начотдела понес околесицу. Что значит «по-людски»? Пить каждый день, мучиться похмельем и похабные истории друг другу рассказывать?

Он закурил и выпустил дым мне в лицо.

– Это все по молодости. Зелен ты еще, парень. Вашего брата хлебом не корми, дай только поболтать, порассуждать красиво... А вот я могу тебя одним словом без зарплаты оставить. Что тогда делать будешь?

Я перестал его слушать. Молча разглядывал гитару, висевшую тут же, на расстоянии вытянутой руки, поглядывал на входную дверь. И думал, как бы поскорее вернуться домой и погреться у котачу вместе с Рёко, обняв ее за плечи.

Тут вдруг дверь распахнулась, и в погребок влетел человек. Увидев его мокрые волосы, я понял, что на улице пошел дождь. И почему-то сразу почувствовал огромное облегче-

ние. Будто кто-то неизвестный пришел мне на помощь.

– Эй! Слушай сюда! – раздался голос начотдела. Его лицо уже успешно прошло стадию покраснения и почти приобрело цвет баклажана. – Дурак ты, парень. Жизни не знаешь. А у нее свои правила. Давай-ка разберись с этим!

Он разозлился.

– Ладно! Пойду отолью... Ой! Выпивка кончилась!

Взял опустевшую бутылочку из-под sake и удивленно потряс ее у меня перед носом. Надо было это сказать официанту, а не мне...

– Вернусь из сортира, и продолжим.

Начотдела с шумом отодвинул столик, поднялся и исчез в туалете. Я заказал еще sake, снял со стены гитару, положил левую руку на гриф... и меня будто что-то толкнуло. Похоже, я что-то вспомнил!

Пальцы привычно прижали струны к грифу, я тренькнул большим пальцем по струне, извлекая звук из инструмента. Пробежал пальцами по грифу. Получается! Я умею играть на гитаре?

В голове стал подниматься туман. Что-то проникло в щепочку моих мыслей. Исчезнувшее прошлое? Хорошо, если так...

– Эй! Давай «Элегию Юномати»¹⁵! Спой-ка, а? – раздался вдруг у меня над головой чей-то голос. Его обладатель с тру-

---

¹⁵ «Элегия Юномати» – популярная мелодия, которую написал известный японский композитор и гитарист Масао Кога в 1948 г.

дом ворочал языком. Я поднял голову и увидел стоявшего передо мной крупного средних лет дядьку, который до этого сидел за соседним столиком. Хватило беглого взгляда, чтобы понять, что он относится к той же породе, что и мой начальник.

«Элегия Юномати»?.. Никогда не слышал. Я брал аккорды совсем другой мелодии.

Вернулся из туалета начальник. Сел передо мной и спросил:

– Ну как? Подумал?

Я вернул гитару на место.

Может, надо четче сказать, что я обо всем этом думаю? Хотя все равно это будет пустая трата времени. Я вовсе не собираюсь делать карьеру на заводе или что-то там копить. Я хочу лишь поскорее вернуться домой и увидеть Рёко.

– Ничего, пройдет малость времени – все поймешь.

Начотдела сунул мне под нос свою пустую чашечку. Я спокойно наклонил бутылочку, чтобы налить ему sake.

– Ни черта ты не соображаешь. И воспитание у тебя на нуле – старших не уважаешь... Хоть это-то ты понимаешь? Ни карьеры у тебя не будет, ни баб.

– Можно я скажу, шеф? – сказал я. – Я ведь никому не мешаю. Просто стараюсь работать как следует. Изо всех сил.

Начотдела посмотрел на меня. Похоже, он был удивлен.

– Ты это к чему, парень? Удивить меня хочешь? Ты ж зарплату получаешь, значит, должен работать как надо.

Он залпом осушил чашечку с саке и снова протянул ее мне. Я не стал ему подливать. Раз он так, надо, наверное, ответить.

– А я так и работаю. Может, я не слишком разговорчивый, может, не люблю в зеркало смотреть, но разве я кому-то этим мешаю? А то, что пью мало...

Закончить я не успел, потому что кто-то вдруг постучал мне по голове. Часто-часто, как стучатся в дверь. Это оказался тот самый дядька лет пятидесяти, что просил сыграть ему «Элегию Юномати». Он опять встал из-за стола и стоял рядом со мной.

– Что за человек без выпивки? А без корешей? Вам, соплякам, лишь бы поспорить! – орал он, явно намереваясь еще раз стукнуть меня по голове.

Вставая с места, я выбросил вперед правую руку и закатил кулаком прямо в красную рожу верзилы. Тот чуть не повалился на спину своего приятеля, сидевшего, сгорбившись, на стуле, и растянулся на столе. Тарелочки и бутылочки из-под саке со звоном полетели на пол.

Сидевшие вокруг люди повскакивали с мест. Похоже, все они – одна компания. Один из них схватил гитару и движением дровосека, работающего топором, обрушил ее на мою голову. Я поднял руки, чтобы защититься, и тут же получил удар в живот. Гитара развалилась на куски, струны лопнули. Обломки гитары приземлились на каменный пол с дурацким звуком, напомнившим бой стенных часов.

– Ах ты гад! – вырвался у меня крик, и я не узнал своего голоса. Мелькнула мысль: «Раздвоение личности!» Где-то в глубине меня, видимо, живет еще один человек, который резко просыпается и начинает действовать, когда ему заблагорассудится. Он и бросился, как таран, на поверженного, коротко остриженного верзилу. Врезал ему раз, другой, третий...

Кто-то сзади просунул руки мне под мышки и соединил их в замок на шее. В борьбе этот прием называется двойной нельсон. В ответ я (или он, другой человек?) с остервенением саданул соперника локтем и тут же почувствовал удар по голове слева. Это уже был перебор. Кто-то добавил мне еще стулом, и я потерял сознание.

Очнулся на мокром черном асфальте. Голова, плечи, волосы – все было мокрое. Шел дождь. Собрав все силы, я приподнялся, встал на четвереньки. Меня что, вышвырнули из этого кабака? Я подумал тут же вернуться туда, но понял, что явно не в форме для такой операции.

– Ну и мудель же ты! – послышался презрительный голос начотдела. Он стоял под козырьком у сухой стены здания.

Я перевел взгляд с него на мокрую мостовую и почувствовал специфический солоноватый вкус крови в разбитом рту. Вместе с ним вернулось то самое ощущение. Ощущение мрачной злобы и жестокости, будившее предчувствия и бердившее память. И в то же время полное безнадёжности и отчаяния.

Помню! Я помню эти ощущения, этот вкус крови. Выходит, я жил в таком мире. Как же это! Честный, порядочный... это не про меня! От этой мысли у меня сразу скрутило живот. Желудочный сок потек в обратную сторону и подступил к самому горлу, будто кто-то наступил мне на желудок башмаком. А потом этот сок хлынул изо рта, закапал с кончика носа.

Я повалился на мостовую; вид у меня был самый жалкий. Нос забила слизь, изо рта длинными нитями тянулась липкая кислая слюна.

Капель из носа прекратилась, но свисавшие с губ до асфальта тонкие нити не обрывались. Они навек привязали меня к земле.

Дождь лил не переставая, размывая исторгнутую мною рвоту. «Странно, а почему вода красная?» – подумал я и понял: это кровь. Глядя на покрасневшую воду, сел, поджав под себя ноги. Голова раскалывалась. Заболело все тело. Это был настоящий парад боли, поразившей голову, живот, каждую клетку тела, не пощадившей и душу.

– Ну что поделаешь... – Начотдела небрежно поводил рукой по моей спине туда-сюда. Судя по голосу, он порядком перетрусил.

– Ничего, – сказал я. – Нормально. Один справлюсь. Он убрал руку – и исчез. Я остался сидеть в той же позе. Вспомнил, как впервые увидел Рёко в Коэндзи. Тогда она так же сидела на асфальте. Был ли у нее такой же жалкий

вид? Но она хотя бы не выпивала с начальником. У меня есть Рёко. Чего мне еще желать?

Завтра должны заплатить бонус. Обязательно куплю Рёко что-нибудь. А сейчас надо поскорее домой. Я медленно поднялся, бросив взгляд на оставшееся после меня грязное пятно. Дождь уже размыл его, оставив на асфальте лишь какие-то мелкие частички, как свидетельство мучившей меня боли.

8

Кое-как я добрался до Мотосумиёси. Дождь все не кончался; каждый шаг отдавался болью во всем теле. Осторожно ступая, я медленно прошел по платформе, с большим трудом спустился по лестнице. Подниматься куда легче.

Хватаясь то за грудь, то за плечо, я подошел к турникетам. Стоявший тут же контролер с недоумением посмотрел на меня.

Я напрямик направился к выходу и заметил краем глаза маленькую фигурку, пристроившуюся на корточках у колонны.

– Кэйсукэ! – услышал я голос Рёко. С трудом обернувшись, увидел ее. Рёко бросилась ко мне. «Принесла она зонтик?» – мелькнуло в голове. Но зонтика в ее руках я не увидел.

Дождь начался два часа назад. На станции не было даже лавочки.

Рёко обрадовалась, увидев меня, но, приблизившись, моментально переменилась в лице.

– Что случилось?

Я не ответил.

– Подрался?

Рёко будто была смущена чем-то. Она сморщилась, из глаз брызнули слезы. «Ну чего плакать-то», – подумал я.

Она потянула меня за руку и, поддерживая, повела вверх по лестнице. Губы ее шевелились; видно, она хотела что-то сказать, но я уловил только одно слово – «извини».

Дома нас ждали торт и свечи на столе. Рёко стянула с меня промокшую одежду, обтерла полотенцем, продезинфицировала ссадины и синяки.

– Все. Спасибо тебе. А торт по какому случаю?

– У меня сегодня день рождения. Двадцать лет, – удивила она меня.

– Почему раньше не сказала? Я бы никуда не пошел.

Угораздило же меня в такой день попасть в такую передрягу! Рёко двадцать лет. Важная дата. День совершеннолетия¹⁶!

– Ничего страшного. Ты же по работе встречался, правда? С меня торта вполне достаточно.

Нет, так нельзя. Работу можно сменить, а Рёко – нет. Она единственная, кого я знаю во всей Японии.

– Завтра мне заплатят бонус. Хочу подарок тебе купить... Что бы ты хотела?

– Кэйсукэ! Помнишь, я говорила, что хочу стерео? Вот и купи. Я правда очень хочу.

– Стерео, говоришь? А еще что?

– Даже не знаю... К стерео ведь пластинки нужны?

– Нужны. Что тебе хочется?

– Мне Дебюсси нравится. Я бы «Арабески» послушала.

---

¹⁶ В Японии с 1876 г. возраст совершеннолетия установлен в 20 лет.

Про Дебюсси я слышал, а вот про «Арабески» не приходилось. Как и про «Элегию Юномати».

– Сегодня какое число?

– Двадцать четвертое мая.

– Двадцать четвертое? Значит, ты Близнец, – неожиданно для себя заявил я.

Рёко тоже удивилась.

– Точно. Ты все знаки Зодиака знаешь?

Знаю. Оказывается, я разбираюсь в астрологии.

Но, как я ни пытался, вспомнить свой день рождения и созвездие, под которым я родился, не получалось. Хотя я явно перешел какую-то грань, сразу связав двадцать четвертое мая с Близнецами. Как это получилось?

Я стал вспоминать, какие еще есть созвездия. Рак, Лев, Дева, Весы...

Весы?! Почему-то от Весов я впечатлился сильнее всего. Уж не под этим ли созвездием меня угораздило родиться?

И тут меня осенило. Блеск идея, чтобы попробовать порыться в памяти. Но Рёко пока ничего говорить не буду, подумал я. Начни я копаться в прошлом, она сразу засуетится, а это меня совсем не радовало. Она боялась, что наша нынешняя жизнь рухнет. Я понимал это и страшился того же. Вдруг в результате моих копаний выяснится, что у меня есть семья? Это же будет настоящая трагедия.

Эта мысль никогда не покидала меня, вселяла страх. А если в оставленном в Токио прошлом у меня была жена и

дети? Хотя я еще молод – Рёко считает, что мне лет двадцать пять, – такую возможность исключать нельзя.

Сейчас единственная женщина, которую я люблю, это Рёко, размышлял я. Если вдруг передо мной предстанет какая-то незнакомка и назовется моей женой, у меня что, вспыхнет к ней чувство?

Случись такое – проснись любовь и чувство ответственности, – что станет с моими чувствами к Рёко? Неужели они исчезнут? Быть такого не может. Они никуда не могут деться. Значит, остается только ждать, наступит трагедия или нет. Лучше оставить все как есть.

Но если к прошлому вопросов нет, если там все нормально, очень хотелось бы узнать, как и что было. Нельзя же всю жизнь так прожить. А уж если трагедии все-таки суждено случиться, может, чем скорее, тем лучше?

С улицы доносился шум дождя. В комнате было тепло. Боль в голове и теле не стихала, но разве это проблема, когда я дома?

Перед глазами возник мокрый черный асфальт и круглое грязное пятно на нем. А здесь у нас полный рай.

В желудке было пусто, и я без усилий над собой съел кусок торта. Рёко обхватила руками колени и, уперев в них подбородок, маленькими кусочками ела торт и смотрела на меня.

– Может, съездим в воскресенье в Йокогаму? – предложила она.

– Хорошая мысль. Поедем, – ответил я.

Вот бы так жить и жить. Да будь я до потери памяти хоть сынком владельца корпорации «Мицубиси», все равно не был бы счастлив так, как сейчас.

Однако уже на следующий день занавес трагедии начал медленно подниматься...

9

Открыв на следующее утро глаза, я почувствовал, что боль разыгралась не на шутку. Вставать совсем не хотелось; я сказал Рёко, что мне на работу после обеда, и отправил ее по магазинам.

Полежал в надежде снова уснуть, но из этого ничего не вышло. Тем более что было уже почти десять часов. Собравшись с духом, я встал, оделся и пошел на электричку. Как ни странно, чем энергичнее я двигался, тем слабее становилась боль.

Погода стояла отличная. На улицах не осталось никаких следов дождя, прошедшего накануне. Идея, посетившая меня, когда вечером я подумал о созвездиях, была связана с маленькой вывеской, которую я видел из окна электрички, возвращаясь с работы. На ней было написано: «Курсы по астрологии ###». Я хорошо запомнил эту вывеску из-за необычной фамилии то ли владельца, то ли директора.

Теперь я был уверен, что более-менее разбираюсь в созвездиях, под одним из которых – под Весами – я, похоже, родился, поэтому стоило, наверное, поговорить со специалистом. Может, это что-то и даст. Вдруг я получу хоть какой-то намек, который может привести меня к прошлому... Да и астрологу наверняка будет интересен такой клиент. Ведь люди с потерей памяти не так уж часто встречаются. Может

статься, мой визит и его чему-то научит.

Табличку эту я заметил возле станции Цунасима. Оказалось, что отыскать эти курсы не так-то просто. Мало того, что от станции пришлось порядочно пройти, вывеска еще пряталась от меня в улочках, хотя из электрички ее было видно хорошо. Она висела на стене какого-то обшарпанного здания, но оно словно провалилось сквозь землю. Спрашивал у прохожих – бесполезно, об астрологических курсах никто не знал.

Побродив так в недоумении, я наконец заметил табличку с фамилией ### на одном из почтовых ящиков на первом этаже выдавшего виды дома. Произошло это в тот самый момент, когда я уже было решил прекратить поиски и отправиться на работу. Судя по табличке, помещение, которое занимали астрологические курсы, находилось на пятом этаже. Лифт я не обнаружил. Делать нечего – пошел по лестнице. Дом оказался совсем древний; и с каждой ступенькой ветхость все больше бросалась в глаза и достигла своего апогея у двери, на которой красовалась дощечка: «Курсы по астрологии ###».

Сама дверь была какая-то перекошенная, петли проржавели. Даже не антиквариат, а настоящий реликт, археологическая находка. Я никак не мог набраться смелости постучать в такую дверь. Боялся, что она рухнет от одного прикосновения.

Я стоял перед дверью и думал. Может, ну его, этого астро-

лога? Кто живет за этой дверью? Мне стало жутковато. Окажись за дверью бомжеватый туберкулезного вида старикан, еще куда ни шло, но я не удивлюсь, если там прячется старуха-колдунья с магическим кристаллом или вампир с торчащими клыками.

– Ладно, – тихонько пробормотал я, скомандовал себе: «Кругом!» и начал спускаться по лестнице. Прошел несколько ступенек и услышал за дверью покашливание, как у привередливого старика. Легче от этого не стало, но все же, поняв, что за дверью обыкновенный человек, я немного успокоился и даже приободрился – может, все-таки постучать? Уж больно мне не хотелось ехать на завод.

Набравшись смелости, я все-таки постучал.

– Да-а-а, – послышался хриплый, как у старика, голос.

Увижу, что это муть какая-нибудь, повернусь и уйду, подумал я, зажмурился и отворил дверь. Открыв глаза, к своему удивлению, увидел стоявшего ко мне спиной молодого человека, который, как я понял, готовил себе кофе. Я непроизвольно поискал глазами обладателя хриплого голоса, но, кроме этого человека, больше никого не обнаружил. Помощник, наверное, решил я.

Как читается фамилия на табличке? Полной уверенности у меня не было. Три иероглифа, которые красовались на почтовом ящике и дощечке на двери, можно прочитать по-разному. Митарай? А может, Тэарай? Ну, это маловероятно¹⁷.

---

¹⁷ Тэарай в переводе с японского означает «туалет».

Отарай? Онтэарай? Как-то слишком старомодно.

– Э-э... – Я быстро выдавил из себя что-то среднее между Отэарай и Отарай, – ... – сан можно видеть?

– Ну, я. – К моему удивлению, его слегка хриловатый голос прозвучал необыкновенно бодро и больше походил на крик.

Человек обернулся, и я уловил некоторое напряжение в его лице.

– Значит, ваша фамилия?..

– Фамилия – не более чем символ, условное обозначение, – неожиданно объявил человек. Он оказался высок ростом. – Цепляться за такие вещи – это обывательщина. Фамилия – то же самое, что номерок на обувь в общественной бане!

– Ну да... – протянул я, наклонив голову.

– Я – Митарай. Если нет особых возражений, зови меня так.

– А-а... извините.

Астролог раздраженно махнул рукой.

– Впрочем, можешь звать как хочешь. Вообще-то я думал написать фамилию на вывеске катаканой¹⁸, чтобы понятно было, но не поместилось...

Голос его становился все слабее. Кончилось тем, что он плюхнулся на стоявший рядом стул, закрыл глаза и надавил

---

¹⁸ Катакана – один из двух видов слоговой азбуки, используемой в японской письменности наряду с иероглифами.

на веки изящными пальцами.

Странный тип. На вид совсем молодой, не дашь и тридцати. Когда он говорил живо и энергично, то выглядел настоящим соколом, словно молодой университетский профессор, – особенно в профиль. Но внезапно вся его энергия будто куда-то испарилась, и он словно заснул на своем стуле. Ошеломленный таким приемом, я стоял и ждал, что будет дальше.

Астролог, похоже, недавно проснулся. Волосы всклокочены, глаза опухли. Вот почему его голос показался мне стариковским – он только-только вылез из постели.

– Выпьешь со мной? – Астролог широко открыл глаза и резко поднялся со стула.

– Что? А... нет, я...

– Я уже налил. Ты чего, кофе не любишь?

– Люблю.

– Ну, тогда не стесняйся. И можешь пока называть меня как нравится. Отараи так Отараи, – согласился он грустно. – Ладно, садись сюда... А-а! Сахар, сахар... сахар... сахар... Ах ты черт! Подожди-ка!

С этими словами астролог быстро исчез в глубине своих апартаментов. Интересно, вернется он или нет, подумал я. И потом, как человек, не знающий, где у него сахарница, может разобраться в моем прошлом?

Я взглянул на диван, на который мне было предложено сесть. По правде сказать, на площадках, куда жители свали-

вают ненужные вещи, можно увидеть мебель приличнее. Однако комната, где я оказался, была, против ожиданий, довольно чистенькой, особенно по сравнению с коридором, по которому мне пришлось пройти, и входной дверью.

У окна стояла такая крутая стереосистема, что у меня при виде ее чуть ноги не подкосились. Она совершенно не подходила для такой комнаты. Возле усилителя я заметил небрежно брошенную пластинку Чика Кория, на конверте которой гарцевал на лошади человек в рыцарских доспехах, напомнивший мне Дон Кихота¹⁹.

Стеллажи были заставлены книгами и журналами по астрологии. На стене висел диск, сделанный из пробки. Интересно, для чего он? На угловом столике какая-то антикварного вида штукавина – то ли глобус звездного неба, то ли Земли.

В комнате появился астролог, отыскавший наконец сахарницу.

– Вот сахар! – торжественно провозгласил он, как Ньютон, открывший закон всемирного тяготения.

– Ага, – только и сказал я.

– Зачем только люди кладут в кофе сахар? В чай ведь не кладут. Вот и приходится каждый день искать эту сахарницу... Но почему она все время куда-то девается, стоит только кофе сварить?

---

¹⁹ Речь идет об альбоме «Романтический рыцарь» (1976) фьюжн-группы Чика Кория «Return to Forever».

С этими словами он сыпанул себе сахара. В чашку в лучшем случае попала половина.

Я сделал глоток. Что это? На кофе не похоже. То ли крепко заваренный чай, то ли жидкое какао. Секрет открыл сам астролог, признавшийся, почему у него проблемы со вкусом. Развалившись на стуле и вытянув ноги, он протянул:

– У-у... никак не проснусь.

Но я-то уже давно проснулся, поэтому сразу понял, что с кофе что-то не так.

– Выпью-ка я еще чашечку... Тебе налить?

Я отрицательно затряс головой. Не исключено, что со стороны моя реакция походила на судороги. Я и одну-то чашку выпил с большим трудом, что уж говорить о второй...

– Да, а какое у тебя дело-то? – с сонным видом поинтересовался молодой астролог.

В самом деле! Этот Митарай так поразил меня своей эксцентричностью, что я совсем забыл, зачем явился.

После того, что я увидел, надежда что-то узнать оставалась слабая, однако при взгляде на этого прямодушного и раскованного парня возникала иллюзия, будто передо мной старый приятель, которого я знаю давным-давно. А что, если это и в самом деле так? Что означает его мимолетное замешательство, когда он меня увидел?

И я рассказал ему почти все. Вообще-то я не собирался раскрываться перед ним, но, начав негромко излагать свою историю, незаметно для самого себя разговорился и выло-

жил все, что произошло со мной с того момента, когда я повстречал Рёко, и до нашей с ней общей жизни в Мотосумиёси. Окажись Митарай другим человеком, я не стал бы рассказывать ему о Рёко. Мне показалось, что впервые за последнее время мне встретился человек, с которым у меня есть хоть что-то общее. Конечно, это не могло не радовать.

Начав свой рассказ, я опасался, что Митарай станет клевать носом, однако постепенно – видимо, сказывалось действие кофе – лицо его приобретало все более человеческое выражение.

– Не мог бы ты посмотреть по звездам? – Я тоже решил перейти на «ты». – Почему я потерял память? Какая жизнь у меня была до этого? Когда я родился?

– Ничего не получится, – отрезал Митарай. – Астрология работает по трем параметрам в таком порядке: день, месяц и год рождения, время и наконец место рождения. Тогда можно что-то узнать о человеке. Иначе – пустое дело.

– Но я знаю, что, скорее всего, родился под Весами, – сказал я, вспомнив о своей вчерашней догадке.

– Весы, говоришь? Ага! Значит, время рождения, очевидно, одиннадцать утра. Может, ты какая-нибудь знаменитость... Человек с именем, так сказать. А год рождения не знаешь?

– В том-то и дело. А как ты время узнал?

– По лицу понял. Похоже, ты восходящий Стрелец. Как и я. Мы похожи? Как тебе кажется?

– Ну, понимаешь...

По правде говоря, мне не очень хотелось, чтобы у меня была такая же невыспавшаяся физиономия.

– Знаешь, давай поговорим, если время есть.

Заметив промелькнувшую на моем лице неуверенность, он продолжил:

– Ты что, думаешь, платить придется? Давай-ка по-простому, по-приятельски. Какие могут быть счета между приятелями? Одно дело – астролог, другое дело – врач. Если мы пообщаемся как следует, я и дату рождения определить смогу.

Услышав предложение подружиться, я почувствовал, что краснею. Ведь мне хотелось того же самого. В первую очередь меня интересовала его стереосистема.

Отвечая на мой вопрос, Митарай сообщил, что с ума сходит от музыки. Я непроизвольно хмыкнул. Если он сейчас такой, что будет, если его лишить музыки?

Я спросил, как он относится к Чикку Кория. Митарай сказал: «Давай послушаем». Звук у шикарной системы астролога оказался удивительно мощный. С тех пор как лишился памяти, я впервые слышал такую громкую музыку. Впрочем, я вообще слышал музыку в первый раз.

Когда на меня хлынули волны звука, я понял, что где-то во мне живет совершенно забытое, покрывшееся пылью ощущение. Эта часть меня принимала резкую, но красивую мелодию и медленно открывала себе дверь наружу. Я чув-

ствовал внутренний жар; меня наполняли какие-то забытые импульсы, мешавшие найти себе место. Каждая музыкальная фраза пианиста пробирала до костей, туманила голову, а на глаза наворачивались слезы. Я помню! Тело помнило это ощущение. В глазах потемнело. Да! Мне это нравилось!

Охваченный беспричинным весельем, я повернулся к астрологу и воскликнул: «Как здорово!» Но музыка играла так громко, что он, поднеся руки к ушам, ответил что-то невпопад. Я не помнил себя от радости и был готов низко кланяться ему.

Мы прослушали пластинку с обеих сторон. Потом Митарай поставил Джима Холла, а я встал со стула, подошел к окну и посмотрел вниз. Грязный городишко! Все пространство передо мной занимали серые крыши. Одежда проходивших мимо людей почти сливалась с мостовой. Любимая цветовая гамма Отакэ – нашего начотдела.

Но эта комната, отделенная от улицы стеклом, немного отличалась от открывшейся мне из окна картины. Единственное помещение, помимо нашей с Рёко комнаты, которое мне нравилось. И ни одного зеркала.

Познакомившись с Митарай и сравнивая себя с ним, я понял, насколько оторвался от окружающего мира. Хорошо бы послушать Чика вместе с Рёко; надо будет купить его пластинку, подумал я. В Мотосумиёси есть музыкальный магазин, но вдруг там нет Чика... И я попросил пластинку у Митарай. На время, конечно.

– Вернешь, когда приедешь в следующий раз, – несколько раз повторил астролог. – В любое время.

Похоже, я тоже ему понравился. Хорошо, что я сюда пришел. Я уходил от Митараи воодушевленным.

Бережно держа в руках пластинку, я отправился на станцию, размышляя, как бы поскорее купить домой стерео...

Тьфу ты, черт!

Ведь начальник вчера сказал, что бонусы будут выдавать на руки и надо принести печать. Отсюда до завода совсем недалеко. Надо было сначала найти у Рёко печать и с ней уже ехать к астрологу.

Я поспешил в Мотосумиёси. От станции помчался домой самой короткой дорогой. Хотел забежать в кондитерскую к Рёко, но передумал – решил сэкономить время. Дома пошарил в ящиках маленького комода, в ящичке буфета с посудой. Печати нигде не было.

У Рёко была привычка прятать вещи, даже какую-нибудь ерунду, в самые невероятные места. Как я у нее не спросил! Я уже почти решил бежать в телефон-автомат, чтобы позвонить ей в кондитерскую, и тут печать нашлась в самой глубине ящика буфета.

Подгоняя себя, я достал оттуда коробочку, где лежала печать вместе с красной штемпельной подушечкой. Под коробочкой оказался расшитый цветами носовой платок, в который было что-то завернуто. Предмет на ощупь был прямоугольным, вроде кожаной обложки. В чужих вещах копать

нехорошо, но меня разбирало любопытство. Я положил платок на ладонь и развернул.

Вот это находка! До сих пор не могу забыть испытанное мной тогда чувство. Из платка на ковер выпало портмоне. А в нем оказалось мое водительское удостоверение.

Я плюхнулся на котацу и какое-то время не мог прийти в себя. Что же это такое?!

На правах, естественно, была фотография, имя и фамилия – Сюдзи Масико. Вот как меня зовут, оказывается...

Дата рождения – 18 ноября 1951 года. Значит, не Весы, а Скорпион. Место регистрации рождения – префектура Ямагути, город Хаги, Таруя-мати 14. Это мне ни о чем не говорило. Я как будто ни разу не бывал в тех местах. А адрес? Где я живу?

Токио, район Аракава, Нисиогу, 1-21-18, «Сакура хаус», номер 4.

Сердце громко забилося. Меня переполняло возбуждение – ведь теперь я смогу поехать по этому адресу и узнать о своем прошлом. В то же время у меня возникло чувство недоверия к Рёко. Она видела мои права – стало быть, знала, как меня зовут. И молчала... И даже раздумывала, какое новое имя мне придумать.

И еще я боялся, что нашей с Рёко жизни придет конец. Вдруг окажется, что по тому адресу живет моя жена, а то еще и дети...

При этой мысли я понял, что может быть в голове у Рёко. В чем я могу ее упрекнуть? Ведь она должна защищать эту жизнь.

Но когда мои права попали к ней? Об этом надо будет спросить ее сегодня вечером, думал я. Без этого я ничего не узнаю.

Положив права в карман куртки, я вышел из дома. По дороге заглянул в книжный магазин, посмотреть карту Токио. Выяснилось, что район Нисиогу расположен вдоль линии городской электрички Аракава. Дойти до моего дома можно либо от станции «Мияномаэ» этой линии, либо от «Табата» линии Яманотэ, либо от «Огу» линии Тохоку-хонсэн. Идти примерно одинаково от всех трех станций.

Я колебался, стоит покупать карту или нет. Без нее можно заблудиться. С ней, конечно, лучше, но я не хотел показывать ее Рёко. И все же купил карту. В крайнем случае, можно будет потом выбросить, чтобы она не увидела.

* * *

Я ехал в электричке и думал. Думал о встрече с Рёко, о том, как сильно в нее влюбился, просто по уши. Люди, глядя на нас, наверняка так и говорили. Последнее время я жил, совершенно не вспоминая, как проснулся в том маленьком скверике в Коэндзи. Теперь у меня новая наполненная жизнь, которой я доволен, и задумываться над тем, что происходило до нее, никакой нужды нет. Но если поразмыслить спокойно, все случившееся со мной тогда не поддается объяснению. Одно с другим никак не стыкуется. Можно ли

точно сказать, в какой момент я потерял память?

Я очнулся на скамейке часа в четыре или в пять (точнее не скажу, так как часов на мне не было). Предположим, в четыре. Означает ли это, что я потерял память именно в это время?

Есть во всем этом одна странность. В квартире в Мото-сумиёси, где мы поселились с Рёко, нет ванной, поэтому я периодически бываю в платной бане. Сходяв туда в первый раз, я обнаружил у себя на теле синяки. Нажатие на них оказалось весьма болезненным.

Проснувшись на скамейке, я почувствовал, что резкие движения причиняют мне боль. Если синяки остались от ушибов, я должен был где-то приложиться, причем очень сильно. Трудно представить, что между ними и потерей памяти не было никакой связи.

В памяти отпечаталось смятение, охватившее меня, когда я по какой-то совершенно дурацкой причине забыл, где припарковал машину. Но разве так бывает? Это иллюзия, галлюцинация такая. Все это должно быть связано с синяками. Как же мне досталось, раз остались такие синяки! Результат – потеря памяти. Вполне естественное предположение, правда?

Синяки пропали, все зажило, Рёко так ничего и не узнала. Но если я действительно лишился в тот день памяти около четырех, значит, буквально за несколько минут до этого я обо что-то ударился или кто-то крепко намял мне бока. Но

такого быть не могло. Конечно, я испытал сильный психологический шок. Это понятно. И все же я должен был обратить внимание на ссадины на теле, однако ничего такого не заметил. Отсюда вывод – к тому времени они уже зажили. Получается, эти «подарки» я получил несколькими днями раньше? Что-то концы с концами не сходятся... Куда подевались мои воспоминания на отрезке между моим падением, избивением или дракой, как хотите назовите, и моментом, когда я отключился на скамейке в скверике?

И как я там оказался? Пешком пришел? На машине приехал? Тогда у меня не было сомнений, что я припарковался где-то рядом. Выходит, все-таки на машине?

Если потеря памяти случилась при таких обстоятельствах, как я думаю, получается, что условия были одинаковы и до того, как я заснул на скамейке, и после пробуждения. Однако что происходило до того, как я проснулся, я почему-то совсем не помнил.

Или после того, как меня избили, память еще оставалась и почему-то пропала, только когда я заснул в скверике? То есть, хотя физическое воздействие и послужило толчком, импульсом к потере памяти, сама она произошла не сразу, а какое-то время спустя?

Было ли все так на самом деле? А что еще оставалось думать? Другого объяснения не было.

Надо ехать в Сугинами²⁰, в управление полиции, и спро-

---

²⁰ Один из районов Токио.

силь, эвакуировались ли 18 марта из того района какие-то машины. Возможно, людей, отвечающих за эвакуацию, я не найду, но вдруг моя машина стоит в управлении на заднем дворе. Прошло уже два месяца, но если машина еще там, можно поговорить с кем-нибудь из сотрудников. Спросить в транспортном отделе, там должны быстро ответить.

Я заглянул в купленную карту. Полицейское управление Сугинами находилось неподалеку от станции «Асагая». Я решил не ездить туда специально, а попробовать выяснить по телефону. Позвонил с вокзала Сибуя и получил ответ: у них такой случай не зарегистрирован.

Часы на вокзале показывали три. В шесть Рёко или придет на станцию «Мотосумиёси», или будет ждать меня недалеко от станции в кафе «Лэмп хаус», где в последнее время мы часто встречались. Обнаружив свои водительские права, я, не раздумывая, рванул в Токио, но, поразмыслив как следует, пришел к заключению, что ехать сейчас по моему адресу – это большая авантюра. Вдруг я столкнусь там с женой... тогда сегодня вечером нашей с Рёко жизни наступит конец. К тому же ключи, которые были со мной, когда я проснулся в Коэндзи – один, похоже, от квартиры, другой от машины, – лежали у меня в шкафчике на заводе.

Может, все-таки съездить и посмотреть издали? К шести успею вернуться. Я стоял, как столб, посреди вокзальной суеты и думал. Нет, это тоже рискованно. Вдруг какой-нибудь сосед или знакомый меня окликнет... Вовсе не обяза-

тельно сейчас туда ехать. До завтра ничего не изменится.

В первую очередь надо купить стерео. Сейчас можно ехать на завод за бонусом. Тогда к шести я вернусь в Мотосумиёси, и мы с Рёко сходим в магазин электротоваров. Возьму на заводе день и поеду домой. Что обо мне подумают – неважно. В конце концов я не собираюсь там работать всю жизнь.

Не выходя из вокзала, я вернулся на платформу линии Тоё. На заводе встретил начотдела, который захотел было узнать, как я себя чувствую после вчерашнего, но, поняв, что я приехал за деньгами, только ухмыльнулся. Теперь уж точно разговоров насчет повышения по службе от него не услышишь, подумал я – и оказался прав. Карту Токио я запер в своем шкафчике, ключи после недолгих колебаний оставил там же.

Рёко ждала меня в «Лэмп хаус». Напротив кафе, через дорогу, находился банк. Перед ним была устроена зеленая изгородь, обнесенная кирпичной стенкой. Усевшись на нее, я помахал Рёко рукой: «Выходи!» У нас была договоренность: если ее нет на станции – значит, она в кафе.

Мы вместе пошли в магазин и выбрали стерео. На покупку ушел почти весь бонус, но какое это имеет значение? Премия свалилась неожиданно, и на эти деньги мы все равно не рассчитывали. Доставка полагалась на следующий день, но мы упросили сделать для нас исключение и привезти в тот же вечер. Мы просто не могли ждать целый день.

Через три дома от магазина, где мы купили стерео, был

магазин пластинок. Заглянув туда без особой надежды, мы нашли диск с «Арабеской № 1». На конверте было написано: «Исполняет Петер Франкл».

Услышав имя исполнителя, Рёко обрадовалась.

– Большинство исполнителей играет «Арабески» в быстром темпе. А я не воспринимаю, когда быстро. А этот Петер играет медленнее других. Я его раньше слышала, поэтому знаю.

Тут же нам попался магазинчик одежды. Мы купили Рёко маечку на лето, и от моего бонуса ничего не осталось. Он продержался в кармане всего полчаса.

Вернувшись домой, мы быстренько освободили место для стереосистемы и стали ждать. Каждый раз, когда на улице раздавался шум мотора, Рёко подходила к окну и смотрела вниз. Наконец из-за угла появился грузовичок, который привез наше приобретение. Мы встретили его радостными возгласами и бросились вниз по лестнице навстречу грузчику.

Пока доставали систему из коробки, присоединяли провода и приходили в себя от радости, наступила ночь.

Рёко аккуратно достала из конверта пластинку Дебюсси и, включив проигрыватель, поставила иглу на начало «Арабески № 1». Я присел на кровать, откинулся назад и, опершись о правый локоть, приготовился слушать.

Тихо зазвучало фортепиано, и в квартире, погруженной в тишину ночи, которую время от времени разрывал ужасный грохот грузовиков, зазвучал голос далекого мира. Такую му-

зыку я слышал впервые. Она вызывала ассоциацию с яркими световыми бликами. Представлялась разлитая на асфальте вода, в которой отражается утренний свет, мелкие осколки стекла...

Стекло? Разбитое зеркало?! На меня неожиданно нахлынула волна страха. Мелкие осколки зеркала, разбросанные на камнях...

– Будто море, правда? – услышал я вдруг голос Рёко, и всплывавшие перед глазами видения в мгновение ока улетучились.

– Море?.. Да, похоже.

– Когда я училась в начальной школе, какое-то время ходила в школу по дороге, откуда открывался вид на море. Когда жила в Мацусиме²¹. Ну да, я жила там до окончания средней школы²² и никуда не ездила. Я шла на уроки и видела море. Особенно оно запомнилось мне зимой. Еще не было восьми, когда я выходила из дома на обледенелую горную дорогу. Морская гладь ослепительно сияла под лучами солнца. Зимой солнце там необыкновенно яркое. Такое, что долго смотреть на море невозможно. И в то же время солнце такое доброе, ласковое. Теплое. А утро зимнее, холодное...

---

²¹ Мацусима – группа островов в префектуре Мияги, на северо-востоке Японии. Считается одним из наиболее живописных уголков страны.

²² Школьное образование в Японии включает в себя три ступени: начальную, где дети учатся шесть лет, среднюю – три года, и старшую – еще три года. Обязательным образованием являются первые две ступени. Поступать в университет можно по окончании старшей школы.

Хотя в воспоминаниях всегда все красиво... Когда я в первый раз услышала эту вещь, у меня сердце так и зашлось – перед глазами встало утреннее море. Я увидела эту картину четко-четко. А ведь, казалось, все уже забыто... Я давно об этом не вспоминала. Странно так... Я полюбила эту музыку. Она – утреннее море в Мацусиме. Для меня это так. Зимнее море, переливающееся на солнце...

Зимнее море Мацусимы? А ведь и в самом деле, слушаешь, закроешь глаза и видишь простирающееся вдаль водное пространство, по которому будто рассыпан искрящийся золотом порошок. Музыка глубоко тронула меня. Действительно прекрасная вещь. Когда она кончилась, Рёко предложила послушать еще раз. А получилось не раз, а целых четыре.

Встав с кровати, я потрогал свою куртку, в нагрудном кармане которой лежали мои права. Быстро вынул их, сложил обложку так, что карточка с позолоченными иероглифами «Водительское удостоверение» оказалась с наружной стороны и, подняв ее повыше, окликнул Рёко.

Она повернулась ко мне и увидела, что у меня в руке.

На лице Рёко появилась гримаса ужаса. Глаза ее широко распахнулись, рот приоткрылся, но я так и не дождался ни слова. Она опустила голову.

– Откуда это? – спросил я.

– Откуда? Из твоей куртки.

– Из куртки? Значит, оно в куртке лежало?

– Когда мы встретились в Коэндзи, ты ночевал у меня. Когда уснул, я стала складывать куртку, и оно выпало из кармана. Даже если б мы тогда расстались, у меня был бы предлог снова с тобой увидеться, чтобы отдать права. Поэтому я их и спрятала. Прости меня, пожалуйста...

– Ладно, не бери в голову.

Вот оно что! Тогда все понятно. Потому-то Рёко и не беспокоилась из-за прав, когда мы перевозили вещи на грузовике. Не иначе, они у нее были с собой. Когда я ей сказал тогда, что потерял права, она как-то странно на меня посмотрела. Хотела подшутить надо мной? Думала, если нас остановит полиция, раз – и достанет права: «Вот, пожалуйста»?

Рёко поджала под себя ноги, коснулась обеими руками пола и, выпрямившись, робко подняла голову. На лице ее была нескрываемая тревога.

– Я хотела сразу тебе отдать, – еле слышно проговорила она, – но, услышав там, на Тамагаве, что ты потерял память, решила их припрятать, чтобы ты, Кэйсукэ, остался со мной. Я испугалась, что ты уйдешь.

Я слушал ее молча. Почему она так думает? С чего решила, что я ее брошу?

– Ты ездил туда... по адресу, который на правах?

– Нет. Доехал до Сибуя и повернул обратно. Чего ты так боишься?

– Прошу тебя! – Рёко почти кричала. – Не ездь туда пока! Подожди хотя бы неделю, хоть пять дней, хоть денек! Про-

шу! Тогда ничего не случится!

Рёко впиалась в меня взглядом. В ее широко открытых глазах закипали слезы.

А фортепиано все звучало, не считаясь с нами.

– Ладно... но ничего же не изменится, что бы ни случилось. Ни наша жизнь, ни мое отношение.

Рёко опустилась на пол и обхватила мои колени.

– Не бросай меня! – Она произнесла это так, будто жить без меня не могла. Удивительно! Я и во сне не мог представить, что это ее так напугает.

– Конечно, – ответил я. Рёко уткнулась мне в нос головой, там, где пробор. По ее телу пробежала дрожь.

Почему она думает, что я ее брошу? И Рёко, и наша с ней жизнь – это уже часть меня. Если взять и разрубить, кровь польется.

– Я тебя никому не отдам, – сказал я. – Никогда.

Кому придет в голову разделить собственное тело надвое? Однако Рёко в ту ночь не сомкнула глаз.

Жена из Рёко получилась в общем-то замечательная. Было только одно «но» – готовила она не очень. Умела отлично приготовить омлет – и всё. Она делала его как-то по-особому, выдавливая на тарелки лимон... Но на этом ее репертуар заканчивался. Приготовление любого другого блюда, кроме омлета, становилось для нее настоящим вызовом.

Часто можно было видеть такую картину: Рёко раскрывала на полу кулинарную книгу, одолженную у хозяйки кондитерской, где работала, начинала двигать кастрюли, потом присаживалась перед книгой на корточки, что-то в ней вычитывала, вставала и, бубня себе под нос, снова гремела кастрюлями. Выражение лица у нее в эти минуты было такое отчаянное, что любую попытку заговорить с ней она просто не воспринимала.

Но потом Рёко делала все, чтобы я был доволен. Массировала мне плечи, когда я приходил домой, всегда старалась приготовить что-нибудь вкусненькое. Получалось, правда, не всегда, и если она понимала, что из ее стряпни не вышло ничего хорошего, отбирала у меня тарелку: «Не ешь, не надо».

Рёко, похоже, была убеждена, что в Нисиогу, по адресу, указанному в водительском удостоверении, живет моя жена. Больно было смотреть, как она бьется, чтобы удержать меня

от поездки в Нисиогу и не уступить моей невидимой жене. Я жалел ее – и в то же время испытывал эгоистическую радость от того, как она меня обихаживала.

Наличие водительского удостоверения имело много плюсов с точки зрения работы на заводе, однако объяснять там ситуацию – целое дело, поэтому я решил оставить все как есть: останусь Кэйсукэ Исикавой. Рёко, хотя и знала теперь мое настоящее имя, по-прежнему называла меня Кэйсукэ.

Наступило воскресенье, 28 мая. В этот день мы договорились поехать в Йокогаму. Рёко поднялась пораньше, приготовила онигири²³ и, завернув в фольгу, положила в корзинку.

От Мотосумиёси до Йокогамы можно доехать по линии Тоёко без пересадок. Мы миновали станцию «Цунасима»; мимо проехала запутавшаяся в улочках маленькая неприметная табличка «Курсы по астрологии ###» с трудноопределяемой фамилией.

Ага! Теперь, когда известна дата моего рождения, можно будет съездить к Митарай. Скажем, завтра. Пластинку-то надо вернуть, думал я.

Проехали Кикуну. Дальше для меня начиналась неизведанная территория. По крайней мере, она стала таковой, когда я потерял память.

Мы сошли на «Сакурагитё»²⁴, и Рёко сказала, что хотела

---

²³ Онигири – блюдо из риса, слепленного в виде треугольника или шара, с разнообразными начинками.

²⁴ Одна из старейших в Японии железнодорожных станций, открытая в 1872 г.,

бы поехать сначала в Ямасита-коэн²⁵. Мы не знали, какой автобус туда ходит, и решили пойти пешком. Пройти пришлось изрядно. Часть пути проходила по улице Басямити, очень красивой.

– Раньше приезжавшие в Йокогаму иностранцы селились в районе Каннай. Из портового квартала Хатоба ездили в Каннай в повозках по этой самой дороге²⁶. Погляди-ка! Что это? Поилка для лошадей. В те времена здесь останавливались повозки, когда надо было напоить животных.

– Ого!

Сохранившаяся поилка находилась немного в стороне от Басямити, а напротив стояло сложенное из красного кирпича здание в европейском стиле.

Мы прошли еще порядочно, пока наконец впереди не показалась яркая живописная аллея Ямасита-коэн. Народу в парке было немного, наверное потому что было воскресенье и время еще раннее. Мы взялись за руки и, пересекая лужайку, направились к берегу.

Почему так приятно смотреть на воду? Думаю, нет человека, который мог бы прожить год, ни разу не взглянув на воду. Мне, например, доставляло большое удовольствие смотреть на канал, проложенный возле нашего завода; зайдя в

когда началось движение поездов между Токио и Йокогамой.

²⁵ Приморский парк, разбитый на месте городских кварталов, разрушенных катастрофическим землетрясением 1923 г. Одна из главных достопримечательностей Йокогамы.

²⁶ Басямити дословно переводится как «дорога повозок».

парк, я вздыхаю с облегчением, если вижу перед собой пруд. Поэтому для меня возможность взглянуть на море – это награда.

В море выдавалась площадка в форме полукруга. Мы подошли к краю, уселись на перила и стали наблюдать, как волны вяло накатывают на каменную ограду. Сквозь удивительно прозрачную воду хорошо просматривалось дно, усыпанное черными камнями.

Справа от площадки стоял на вечном приколе «Хикава-мару»²⁷. Рёко стала рассказывать об этом судне, хотя я и без нее знал, что этот старый лайнер больше никогда не отправится в плавание и поставлен здесь как украшение парка.

После экскурсии по «Хикава-мару» мы отправились по заливу на прогулочном катере. Наступил полдень. Откуда-то с моря до нас донесся сигнал проверки времени. До начала июня оставалось всего несколько дней, поэтому кое-кто из пассажиров был одет по-летнему. На море царил безмятежное спокойствие, было солнечно и тепло, даже, пожалуй, жарковато. Соответственно, и настроение было замечательное.

Сидевшая рядом Рёко вдруг вскрикнула и указала на что-то пальцем за бортом. Медузы! В море вокруг, насколько хватало глаз, плавало бесчисленное множество белых, слов-

---

²⁷ «Хикава-мару» – пассажирский лайнер, спущенный на воду в 1930 г. и обслуживавший линию Йокогама – Сиэтл. В годы Второй мировой войны судно было превращено в плавучий госпиталь. В 1961 г. поставлено на вечный прикол у набережной Йокогама.

но пластиковые пакеты, полупрозрачных медуз. Невероятное количество! Жутковатое зрелище. Катер продвигался вперед, раздвигая носом эту живую массу. Я представить не мог, что в море бывает столько медуз.

Послышался усиленный динамиком голос. Под влиянием теплой погоды и хорошего настроения пассажиры как зачарованные внимали рассказу экскурсовода. Он говорил об истории Ямасита-коэн. Простиравшийся перед нами в обе стороны вдоль берега парк возник на этом месте после Великого землетрясения Канто²⁸. Здесь прямо в море сваливали обломки разрушенных кирпичных зданий и на насыпанном участке суши разбили парк. Это первый приморский парк в Восточной Азии.

В этот момент откуда-то донесся звук, напомнивший мне скрип выдираемого из доски гвоздя. Что это? Я посмотрел вокруг. Видимо, послышалось.

Экскурсовод перешел к рассказу о промышленном поясе Кэйхин²⁹. Я уже приготовился слушать, как вдруг услышал приятный голосок Рёко: «Вставай, приехали!» «Что она говорит? Ничего не понимаю», – подумал я, – и в изумлении подскочил на месте.

---

²⁸ 1 сентября 1923 г. в центральных районах Японии (регион Канто) произошло мощное землетрясение, практически разрушившее Токио и Йокогаму и унесшее около 200 тыс. человеческих жизней.

²⁹ Район Кэйхин включает в себя Токио, Кавасаки и Йокогаму. Термин употребляется главным образом для обозначения этих городов как единой промышленной агломерации.

– Ты как увидел этих медуз, так сразу же заснул. Даже храпеть начал, – рассмеялась Рёко.

Сонливость у меня как рукой сняло. Ого! Экскурсия по заливу окончена! Я тоже рассмеялся, но неприятное чувство после плохого сна не отпускало.

Сойдя с катера, мы пересекли парк, поднялись на Марин-тауэр³⁰, потом заглянули в Морской музей. После осмотра покрытых пылью карт и макетов судов мне показалось, что я вот-вот должен что-то вспомнить. Музей Уэно?.. Почему-то вдруг именно это всплыло в голове.

У подножия Марин-тауэр разместился своего рода птичий зоопарк, где в огромных клетках-вольерах содержатся редкие птицы, собранные в разных странах мира. Можно купить корм на сто иен, насыпать на ладонь и ждать, когда прилетит какая-нибудь яркая тропическая птица и станет клевать прямо с руки. Рёко так понравилось кормить птиц, что мы потратили на это удовольствие триста иен.

Перейдя через дорогу, вернулись в Ямасита-коэн и, устроившись на пустой скамейке, съели приготовленную Рёко еду – завернутые в фольгу онигири и замечательный омлет. Кроме нас, никто в парке на скамейках не трапезничал. Большинство предпочло ближайший ресторан, у которого образовалась очередь. Кое-кто на нас, конечно, поглядывал, но в основном до сидевшей на скамейке парочки никому не было дела.

---

³⁰ Марин-тауэр – 106-метровый маяк со смотровой площадкой на высоте 100 м.

Покончив с едой, мы снова взялись за руки и, выйдя из парка, решили прогуляться вдоль канала. Проходившие мимо иностранцы оглядывались на Рёко. Вообще на нее многие заглядывались.

В канале в темной неподвижной воде стояли на приколе несколько списанных посуды. Отдав себя в полное распоряжение воде, они не подавали никаких признаков движения. На палубе сушилось белье; следовательно, на этих посудинах кто-то жил.

Мы прошли по торговой улице Мотомати. Здесь чувствовалось заграничное влияние. Все первые этажи были отодвинуты вглубь от мостовой, а вторые нависали над ними, и люди, пришедшие сюда за покупками, двигались по улице как бы под крышей, не рискуя промокнуть под дождем. Хорошая идея.

Свернув в Мотомати направо, мы немножко побродили по запутанным переулкам и, поднявшись по пологой каменной лестнице, вышли к иностранному кладбищу. Возле черной чугунной ограды кладбища возвышалось выкрашенное в салатовый цвет деревянное здание.

– Какой красивый домик...

– Правда замечательный? На первом этаже можно кофе попить... Давай заглянем.

Рёко потянула меня за руку; мы пересекли замощенную камнем мостовую и велосипедную дорожку и вошли в здание.

Устроившись за маленьким столиком у окна, мы смотрели на чугунную ограду и вычурные, в западном духе, надгробия. За ними был виден конец кладбища, а еще дальше, с холма, взгляд захватывал и кусочек простирившихся вдаль улиц Йокогамы, там, где мы недавно были, Мотомати и канал. А посередине, как карандаш, торчала Марин-тауэр.

– Хорошее место выбрали, чтобы хоронить иностранцев, – проговорил я, поглядывая на парочку, которая стояла к нам спиной, прислонившись к чугунной решетке. Парень и девушка изучали стенд с информацией об иностранном кладбище.

– Ага! Это называется холм Яматэ. Здесь полно иностранцев живет.

– Вот бы посмотреть.

– Ты хотел бы здесь пожить? А, Кэйсукэ?

У меня вырвался смешок. Я об этом совершенно не думал. Мне даже в голову такое не приходило. Приехать сюда, погулять... с меня вполне достаточно.

– Это ж элитный район, и многие местные считают себя высшей кастой. Не каждый йокогамец может позволить себе здесь поселиться, – категорически заявила Рёко. В лице ее, обращенном ко мне в профиль, появилась жесткость.

Выпив кофе, мы вышли на улицу и прошли до расположенного рядом парка. Он был разбит на холме, и со смотровой площадки открывался вид на океанский простор, Марин-тауэр, краешек Ямасита-коэн и «Хикава-мару».

- Ты здорово знаешь Йокогаму.
- Да так... раньше лучше знала.
- Хорошее место.

Рёко ничего не ответила. Выражение ее лица что-то мне напоминало...

Мы были все равно что муж и жена, и тем не менее если подумать, я ничего о ней не знал. И она о себе не рассказывала. Получается, мне неизвестно не только свое прошлое, но и прошлое моей подруги. Это, конечно, тревожило меня. Я знал, что она работала в каком-то баре в Коэндзи. Что у нее был парень, лентяй и паразит. Что она родом из Тохоку³¹, из Мацусимы. Вот и всё. Но с меня этого было довольно. Раз нам так хорошо вместе, значит, нас свела судьба.

Я поднял взгляд и увидел в море прогулочный катер, ярко сверкающий под солнцем, разбросавшим свои лучи до самого горизонта. Отсюда, с холма, поверхность воды казалась зеркалом. Но там плавал студень из медуз. С высоты все смотрелось красиво, и чтобы понять, как оно на самом деле, надо быть там, на месте.

Попрощавшись с парком, мы спустились с холма и снова вышли к каналу.

- Давай еще сходим в Чайнатаун, – предложила Рёко.
- А я бы хотел немного вдоль канала прогуляться...
- Серьезно? – удивилась она.
- Там скоро поверху хайвей проложат.

---

³¹ Тохоку – регион в северо-восточной части о. Хонсю.

– Ну да.

Значит, эта болотная вода и стоящие на плаву посудины останутся без солнечного света.

Мы шли вдоль канала, солнце садилось. Стоячая вода быстро темнела, поспешно окрашиваясь в цвета ночи. Мы уже засобирались домой – и вдруг увидели джаз-кафе с вывеской «Минтон хаус», светившейся в сгущавшихся на улице сумерках.

Толкнув тяжелую деревянную дверь, мы вошли внутрь; дощатый пол скрипнул под ногами. Закрепленные на потолке молочно-белые пластиковые плафоны, закрывавшие лампы дневного света, были покрашены из баллончиков в коричневый цвет, из-за чего в помещении стоял полумрак, как в подсобке.

Звучали скупые переливы джазовой гитары. Мы сделали несколько шагов, будто раздвигая собой этот звук и окружавший нас буро-коричневый полумрак, и, устроившись за пустым столиком, стали ждать, когда тело и душа освоятся в джазовой среде.

Луч точечного светильника был направлен на стену, на которую проецировался конверт пластинки, звучавшей в кафе. На нем была фотография чернокожего человека. Кончилась одна пластинка, зазвучала другая. Тоже гитара. Но теперь она звучала в быстром ритме, весело и энергично. Конверт на стене сменился. Вместо темного фона возник розовый. По ритму и состоянию записи я понял, что это ранний джаз.

Чарли Крисчен?.. Так было написано на конверте. Гитара звучала громко и беззаботно, но оставляла странное чувство. Передавала ощущение чистой, словно пропущенной сквозь фильтр, грусти. Как странно, думал я, чувствуя, что эта музыка мне близка и я воспринимаю ее без малейшего труда. Похоже, я разбирался в джазе, и на то, скорее всего, была какая-то причина.

Рёко любила классику и, видимо, не очень понимала джаз. Она пила кофе и рассеянно смотрела перед собой. Глядя на ее профиль, я чувствовал легкие угрызения совести. Мне хотелось как-то развлечь ее, доставить больше удовольствия. Кроме прогулок по улицам и заходов в кафе, я ничего не мог придумать, и от этого становилось грустно. Интересно, а какие способы есть у людей, у которых в кармане больше денег, чем у меня? Что бы такое придумать, чтобы ее побаловать?

Мы вышли из «Минтон хаус», когда солнце уже село. Рёко все-таки потянула меня в Чайнатаун. Пройдя через традиционные китайские ворота, покрытые красным лаком, мы оказались на улице, сияющей неоновыми огнями и красной краской. По обе стороны тянулись китайские рестораны и магазинчики со всякой всячиной. Знаменитый йокогамский Чайнатаун. Толпы людей, многие целыми семьями, перемещались по узким тротуарам.

Рёко завела меня в один магазинчик. Обойдя его, остановилась в углу и заявила: «Хочу эту игрушку». Игрушка была сделана из жести в форме цветочного бутона, посаженного

на подобие стебля, устройство которого напоминало шприц. Стоило нажать на упор на конце «стебля», как раздавалось жужжание, и бутон начинал вращаться. Еще одно нажатие – и бутон вращался быстрее и под воздействием центробежной силы с хлопком раскрывался. Внутри цветка сидел маленький птенчик. То есть бутон был как бы яйцом, из которого он вылуплялся. Вещица оказалась дешевой, и мы ее купили.

После этого решили перекусить и зашли в ресторанчик, как мы решили, средней руки. Однако заведение оказалось с претензией – и интерьер, и персонал. Только мы устроились на стульях с высокими спинками, как перед нами развернули меню, которые больше походили на альбомы. Я пробежал его глазами. К моему удивлению, там совсем не было фотографий блюд, так что понять, что они собой представляют, я не смог. Я не знал, что заказать.

В этот момент я впервые ощутил себя бедным человеком. Ничтожный работяга, живущий в дешевой квартирке, рядом с которой грохочут электрички и грузовики. У меня нет возможности ходить в такие места, и в китайской кухне я знаю только лапшу, пельмени и тяхан³².

Совсем другое дело Рёко. Бросив мимолетный взгляд на меню и ничего у меня не спрашивая, она быстро сделала заказ. Я вздохнул с облегчением, но в то же время меня не оставляли сомнения.

– Ты часто здесь бывала?

---

³² Тяхан – популярное в Японии блюдо, напоминающее плов.

– Раньше, иногда.

Ответ, как обычно, последовал уклончивый.

Мы провели в Йокогаме целый день и немного устали, поэтому решили раскошелиться на такси, чтобы добраться до Сакурагитё. В электричке Рёко всю дорогу вертела в руках свою игрушку с птенчиком. Похоже, она действительно ей очень нравилась.

Игрушка жужжала на весь вагон, но Рёко, не обращая на это никакого внимания, раз за разом крутила яйцо и наблюдала, как птенчик обретает свободу.

На следующий день после работы я с пластинкой в руках явился к Митарай.

Постучал, но ответа не услышал. Повернул ручку, дверь отворилась. Уже вечерело, в комнате стоял полумрак. Я подумал, что хозяина нет дома, – и тут же увидел его. Астролог развалился на диване, вытянув ноги, и спал.

– Митарай-сан! – окликнул я его. Он тут же вскочил, как подброшенный пружиной. Я даже подумал, не спутал ли он меня с назойливым кредитором, явившимся, чтобы потребовать долг.

– А-а, это ты? – произнес Митарай, как мне показалось, с облегчением. Голос у него хрипел после сна. Интересный парень! Всегда спросонок, когда ни приди...

– Давай, заходи, – пригласил он, хотя я уже стоял перед ним в его комнате. – Э-э... Хорошо, что пришел, Исикава-сан.

– Я вовсе не Исикава. Масико моя фамилия. Водительские права нашлись. И вот, возьми. Большое спасибо.

Я протянул ему пластинку. Может быть, этому человеку и впрямь все равно, как его называют, раз он сравнивает имя с биркой в общественной бане...

– О'кей. Права нашлись? Они у тебя с собой?

– Дома оставил.

- Угу. Так это хорошо. С правами можно на машине ездить, – сказал Митарай, хотя это и без него было ясно.
- Ну да...
- Как тебе «Return to Forever»?
- Return to... Это пластика так называется?
- Нет, группа. А пластинка – «Романтический рыцарь»... Хотя какая разница! Ты ведь теперь знаешь, когда родился? Потому и пришел?
- Ну да.
- Значит, Весы?
- Нет, Скорпион.
- Скорпион?
- Точно. Восемнадцатого ноября тысяча девятьсот пятьдесят первого года.
- Значит, Скорпион под четвертой звездой³³. Получается, ты родился утром между семью и восемью...
- Неужели даже время рождения можно узнать?
- Э-э... теоретически можно высчитать. С виду ты типичный Стрелец, поэтому...
- Подожди! Я же Скорпион.
- Ну да. Солнце в Скорпионе, но я сейчас говорю о восходящем знаке. От него зависит, какое у человека лицо, фигура... Дай-ка уши посмотрю. Ну точно: мочки большие. Стре-

---

³³ Митарай пользуется древней китайской астрологической системой «девяти звезд», в которой главную роль играют цифра судьбы человека, зависящая от года рождения, и звезда, сопутствующая ему в жизни.

лец. Ошибки быть не может. Восходящий знак – Стрелец, да еще Солнце в Скорпионе. Получается, Солнце стоит выше линии горизонта. Двенадцатый или одиннадцатый дом, то есть время – между семью и восемью часами. Вот такой расчет.

Я ничего не понял из этих рассуждений.

– Хорошо! Садись сюда. Сейчас кофе налью.

– Кофе?!

Митарай обернулся и недоуменно посмотрел на меня.

– Ты что, кофе не любишь?

– Ну почему... Скорее наоборот.

Чашка в день. Если я ее не выпью, не успокоюсь. Но именно кофе, а не этот ужасный напиток. Я не мог найти предлог, чтобы от него отказаться. Видно, моя судьба – пить эту бурду.

– Митарай-сан! – обратился я к астрологу, делая вид, что прихлебываю кофе. – Ты этой штукой пользуешься, когда гадаешь по звездам? – Я указал на вещицу, похожую на глобус звездного неба, на которую обратил внимание в прошлый раз.

– Нет, это так, для красоты, – сдержанно ответил Митарай.

– Значит, не пользуешься?

– Не пользуюсь.

– Смотришь на звезды в телескоп из окна...

Митарай сделал удивленное лицо.

– Ты большой романтик, я смотрю. Из этого окна, кроме смога, ничего не разглядишь.

– Ха-ха!

Что бы он ни говорил, все у него получалось с каким-то вывертом. Ведь мог бы просто сказать: «Отсюда звезд не видно, а про смог я пошутил...»

– А как ты тогда гороскопы составляешь?

– Вот чем я пользуюсь.

Митараи поднялся и принес большую тетрадь в серой обложке. Когда он ее раскрыл, я увидел какие-то непонятные значки и сплошные ряды цифр, напомнившие мне расписание электричек.

– Что это?

– Эфемериды. В этих таблицах подробно описаны небесные координаты планет и других объектов.

– А те, что со мной связаны, можете определить?

– Сделаем как-нибудь, – ответил астролог.

Интересно, а почему сейчас нельзя? Не в настроении он, что ли? Прямо артист, честное слово... Какое-то время мы молчали, сосредоточившись на кофе.

– Митараи-сан...

– Что?

– Ты гаданием и астрологией на жизнь зарабатываешь?

– Ну-у... в общем да.

– То есть клиенты прямо сюда приходят?

– Приходят. Еще я веду страничку в одном журнале, вы-

рашиваю астрологов.

– Как это?

– На улице часто встречаются гадатели на бамбуковых палочках или хиромантки. Видел? Их много, как и людей, разбирающихся в астрологии. Но есть люди, ничего в ней не понимающие, но желающие понять. Почему? Да потому что это весьма удобно. Астрология, в зависимости от даты рождения, может очень точно определять особенности человека. Достаточно спросить, когда человек родился, и уже можно о нем что-то сказать. Эти цифры – ключ к прорицанию судьбы. Недаром в последнее время гадалки по руке часто спрашивают дату рождения.

– Вот оно как...

– Поэтому люди, занимающиеся гаданием, собираются здесь, и я ввожу их в астрологию.

– Выгодное дело, наверное.

Зачем я задал этот вопрос, не знаю. Видимо, где-то в глубине меня жила мысль, как бы заработать побольше, чтобы Рёко было лучше рядом со мной. Астролог резко поднялся; на лице его я увидел выражение легкого презрения.

– Выгодное? Что ты имеешь в виду? Более дурацкого вопроса не придумаешь. Напечатать на листочках цифры – десять тысяч, тысяча, – засучить рукава и собирать денежки? Так, что ли? Я еще могу понять людей, коллекционирующих таблички с именами или детали от паровозов, но собирать бумажки, на которых напечатаны какие-то цифры, – это верх

вульгарности... Приведу в пример этот музыкальный центр. Если слушать его целый день на полную громкость, станет совсем невесело. Чтобы музыка оставила впечатление и принесла удовольствие, достаточно двух-трех часов. Пахать целыми днями, как ломовая лошадь, во имя того, чтобы положить на стол пачку денег... Что это такое? Что это меняет? Мир человека вот где.

И Митарай быстро прижал указательный палец к виску.

– И это для человека всё. А деньги, сколько их ни накопи, все равно в гроб с собой не унесешь... Ты знаешь, что это такое? – Он указал на окно.

– Окно вроде бы. А разве не так?

– Ой-ой-ой! Что ты видишь за окном? Море! Море, мой дорогой! Пепельно-серые волны. Серые крыши, словно развернутые и положенные вверх обложками книги. Море крыш, простирающееся в бесконечность. А люди – рыбы, живущие на глубине и плавающие у самого дна. Большая часть из них слаба умом и не в состоянии оторваться от дна, подплыть хотя бы к этому окошку. Вон смотри, морской черт плывет...

Внизу медленно проехал автомобиль с включенными фарами.

– И что, ты думаешь, делают эти глубоководные рыбы, заработав немного мелочи? В тени пучков морской капусты и среди бегающих рачков строят себе жилища, желательнее, чем у соседа. Это же просто курам на смех, прав-

да? Стоит рядом махнуть хвостом киту, от их нор ничего не останется.

Митарай расхохотался и, едва сдерживаясь, добавил:

– Забавно, верно? Какой-то рачок отчаянно обороняет свою крошечную норку и готов отдать за нее жизнь по самой бросовой цене...

Он подался вперед и, потирая руки, продолжал хихикать:

– Хе-хе-хе! Все это и плоски риса не стоит. Всем счастливым семейством любоваться на какую-нибудь хреновину, вроде вырезанного из консервной банки значка или селёдочной головы, передающейся по наследству из поколения в поколение, и молиться о загробном блаженстве... Ну разве это не смешно? Ха-ха-ха! Чудак ты, однако! Нет, право слово, я больше не могу. Аха-ха-ха-ха!

Держась руками за живот, он повалился на диван.

Я не мог заставить себя даже улыбнуться. Да-а, с головой у него явно что-то не так.

– Ну что? Может, опять пластиночки послушаем? Хочу тебе продемонстрировать, как эта штука звучит по-настоящему.

Вот это было бы здорово, подумал я.

– Звук у твоей системы классный.

Скажу откровенно: в душе я подсадовал, сравнивая его аппаратуру с тем, что мы с Рёко купили на мой бонус.

– Как называется?

– Ты про колонки? – Митарай обернулся ко мне. Похоже,

аппаратура была от разных производителей.

– Ага.

– JBL 4331.

Мне это ровным счетом ни о чем не говорило.

Поняв, что в его стереоаппаратуре мне все равно не разобраться, я рассказал Митарай, как мы вчера ходили в Йокогаме в «Минтон хаус». И слушали джазовую гитару с пластинки в черном конверте.

– А-а! «Минтон хаус»! Раньше я часто туда заглядывал. На конверте гитара на черном фоне? Вот, Уэс Монтгомери.

– Точно! Тот самый конверт.

Митарай достал пластинку из конверта и передал его мне. Поставил диск на вертушку и аккуратно опустил иглу.

Зазвучала уже знакомая мне гитара. Я посмотрел на конверт – композиция называлась «*Airegin*». Невероятный свинг, лишенный эмоций звук, ассоциирующийся с ветром, который взметает и крутит в воздухе сухие листья...

Перед глазами вдруг возник погруженный в сумерки канал. Вывешенное на просушку белье, почерневшее дерево гниющих на вечном приколе посудин. Стоячая вода, в которой растворяются краски ночи. На доске, перекинутой с тротуара на борт списанного катера, пустая банка от «Кока-колы». Эта картина на миг ожила передо мной, слившись со звуками гитары, окрашенными в красно-коричневые тона.

Я положил конверт на стол. Усидеть на месте было трудно, и я встал с дивана. Медленно пересек комнату, подошел

к окну и открыл его. Серые улицы погружались в густую синеву.

Музыка за спиной зазвучала громче. Митарай прибавил громкость.

Мы выпустили в море Уэса Монтгомери. Слушайте, рыбки!

Я предупредил Рёко, что, наверное, задержусь, поэтому она должна была ждать меня дома. Я возвращался после визита к Митарай, бережно держа в руке Уэса Монтгомери. Открыв дверь, увидел Рёко. Она сидела на корточках с наушниками на голове спиной ко мне и слушала Дебюсси, единственную пластинку, которая была в нашем доме. И не заметила, как я вошел.

– Что ты так сидишь? Через колонки лучше слушать, – проговорил я, касаясь ее спины.

– А! Испугал... Привет!

– Через колонки лучше, – повторил я.

– Так ведь если отсоединить наушники, ничего не слышно.

Вот оно что... У нашего музыкального центра был переключатель колонок. В положении «ON» звук шел одновременно и через наушники, и через колонки. А в положении «OFF» при отключении наушников звуковой сигнал на колонки не подавался.

Накануне поздно вечером, слушая через наушники радио, я отключил колонки. Рёко этого не знала и включить колонки не сумела, потому что в технике разбиралась плохо. «Какая она слабая и уязвимая», – думал я, глядя на нее. Вдруг у меня перехватило горло – я понял, как сильно ее люблю, и

крепко обнял за плечи. В тот час я впервые понял, что сильное чувство к противоположному полу очень хорошо сочетается с печалью.

* * *

На другой день я снова отправился к Митараи. На следующий день тоже побывал у него. Он оказался славным парнем, хотя и со странностями. Встречал меня тепло. И что удивительно, каждый день выглядел как-то по-особому, несмотря на то, что всегда был одет одинаково.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.